

№ 57
168 Мядовцевъ
801-10
1781

ЗАПИСКИ ПѢШЕХОДА

Голодная зима. — Съ обозомъ. — Старовѣрка. —
Счастье. — Ходаки. — Живучіе люди. — Новая обитель.
Около Новгорода. — Преданья. — Мужикъ волкъ. —
Сомнѣнья. — Вотяки. — У костра. — Воскресныя школы.
Фабричныя сестры. — С. А. Рачинскій. — Странники.

57
F 168

В. Янчевецкій.

и пертр

ЗАПИСКИ ПЪШЕХОДА

Голодная зима.	Мужикъ волкъ.
Съ обозомъ.	Сомнѣнья.
Старовѣрка.	Вотяки.
Счастье.	У костра
Ходаки.	Воскресныя школы.
Живучіе люди.	Фабричныя сестры.
Новая обитель.	С. А. Рачинскій.
Около Новгорода.	Странники.
Преданья.	

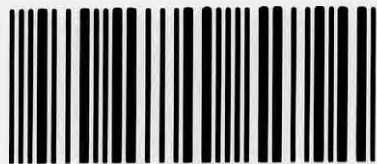
Томъ первый.

Ревель, 1901.

Типографія газеты «Рев. Извѣстія.»

Дозволено цензурою. — Ревель, 28 марта 1901 г.

2007067441

Handwritten signature or initials

Моему отцу.

*Приношу искреннюю благодарность
кн. Э. Э. Ухтомскому, Ал. Ал. Суворину,
С. Н. Сыромятникову, а также всемъ
лицамъ, которыя оказывали мнѣ свое
содѣйствіе въ моихъ скитаніяхъ по Свя-
той Руси.*

В. Я.

Ревель, 4, V, 1901.

Не всегда клубиться небу тучами
И грозить холодными метелями,
Не всегда идти дорогъ кручами,
Темной чащею съ сѣдыми елями.

Не томиться вѣкъ тебѣ кручинами!
Побѣжить дороженька равнинами,
Вольной степью, рощами тѣнистыми
Съ свѣтлыми ручьями, серебристыми.

Солнце засіяетъ, тучи скроются,
И слезами горе съ сердца смоеся.

Народная пѣсня.

Что же ты, лучинушка,
 Не ясно горишь,
 Что не вспыхиваешь?
 Неужели ты лучина
 Въ печкѣ не была?
 Я была, была въ печѣ
 Во сегодняшней ночѣ.
 Лютая свекровушка
 Въ печку лазила,
 Чугунъ съ водой пролила,
 А меня лучинушку
 Она облила.

Записана въ д. Кузнерка, Малмыж. у.

Голодная зима.

Элегія въ прозѣ.

Деревня Малмыжка стояла далеко отъ уѣзднаго города, затерянная среди большого казеннаго лѣса, на берегу рѣки, по которой весной въ половодье сплавлялись дрова и барки. Лѣтомъ рѣка высыхала настолько, что по ней плавали только въ плоскодонныхъ лодкахъ.

Неурожай, захватившій всю губернію, ударилъ и въ этотъ уединенный уголокъ. На поляхъ, изъ растрескавшейся отъ жары земли, потянулись рѣдкіе пустые колосья, годные только на кормъ скоту. Раньше въ деревнѣ всегда бывали общіе интересы и радости, но бѣда разбила всю деревню на отдѣльные группы и кружки, забо-

тяться стали только о себѣ и самыхъ близкихъ. Каждый родственный кружокъ враждебно смотрѣлъ на другіе, скрывая запасы, словно боясь чего то. Въ деревнѣ стало скучно и угрюмо.

Настя, дочь крестьянина Трифона Плотникова, испытала болѣе всѣхъ тяжесть одиночества. Ее раньше всегда считали строгой и неприступной, потому что она на гулянья ходила рѣдко, и парня-„пряточки“ у нея не было. Парнямъ она нравилась, высокая, румяная, съ сильными руками, съ спокойнымъ и гордымъ взглядомъ. Ея отецъ, тихій задумчивый мужикъ, взялъ покойную свою жену изъ дальней деревни, и родственниковъ въ Малмыжкѣ у него не было. Когда бѣда приступила, онъ потолковалъ съ дочкой и бабкой и ушелъ въ Казань на заработки. Настя перевезла отца на тотъ берегъ рѣки и, вернувшись, долго сидѣла на высокомъ берегу и глядѣла, какъ по низкимъ отлогимъ лугамъ шелъ мѣрной, страннической походкой отецъ.

Раньше бывали неразъ тяжелыя времена, но не бывало того, что случилось теперь. Старики рассказывали, что они помнили неурожаи, но тогда

бывали запасы, и народъ выкручивался изъ бѣды. Въ старое время люди жили расчетливѣе. Но лѣтъ десять назадъ подати увеличились вдвое; то, что родилось, свозили по рѣкѣ на лодкахъ и зимой на саняхъ въ городъ, деньги же какъ-то въ рукахъ не удерживались.

Когда родственные кружки, замкнувшись, обошли Настю, она сидѣла еще строже, еще неприступнѣе къ другимъ. Ей нравилось сидѣть дома, прясть и слушать бабку. Бабка рассказывала про свое прошлое, какъ она была молодая и какъ жила въ услуженіи у купца.

Черезъ два мѣсяца пришло письмо отъ отца. Онъ писалъ, что работать теперь трудно, такъ какъ мужичье навалило въ городъ со всѣхъ сторонъ, но что онъ все-таки работаетъ въ каменщикахъ, здоровъ, шлетъ свое благословеніе и пять рублей денегъ.

Письмо принесъ изъ волости односельчанинъ, мужикъ степенный и вѣрный, но пяти рублей въ конвертѣ не было.

— Волостной старшина письмо мнѣ выдалъ и говорить, что батька твой

дуракъ, зачѣмъ золотой червончикъ вложилъ, монетка-то махонька, кругленька, сквозь щелочку-то она и выкатилась. Да вретъ онъ мошенникъ, поди, рожа-то красная масляная, сидить, чайшко дуетъ и въ бороду посмѣивается.

Настя хотѣла пойти къ волостному, потребовать денегъ, но бабка ее отговорила.

— Еще выпоротъ прикажетъ, — не ходи. Деньги пропащія, поголосимъ, легче станетъ!

Къ земскому начальнику Настя тоже не пошла жаловаться; онъ жилъ верстахъ въ двадцати, доступъ къ нему былъ трудный, идти къ нему приходилось на авось, такъ какъ у него былъ одинъ пріемный день въ недѣлю; если же приходили въ другіе дни, то мужиковъ гоняли прочь.

Настя и бабка два дня поголосили, сидя на печи, обнявъ руками колѣни и покачиваясь изъ стороны въ сторону, и неразъ потомъ, въ теченіе мѣсяца, когда вспоминали объ этомъ, начинали снова голосить.

Бабка, которая мало спала, по ночамъ шопотомъ читала молитвы или

начинала разговаривать сама съ собой. Онѣ вдвоемъ лежали на печи подъ однимъ тулупомъ. Настя любила, проснувшись, прислушиваться къ непрерывному шопоту бабки и угадывать, о чемъ и про кого она говоритъ.

Въ избѣ было темно, только два окошка вырисовывались странными свѣтловатыми пятнами во мракѣ. Вѣтеръ шумѣлъ на улицѣ, качалъ сосѣднее дерево, которое всю ночь ударяло сухими голыми вѣтками по стѣнѣ. Въ ночной тишинѣ избы чуткѣй слухъ Насти улавливалъ, какъ причудливый порывъ вѣтра задѣвалъ солому на крышѣ въ разныхъ концахъ, и ей казалось, точно какія то большія птицы бѣгаютъ по крышѣ и задѣваютъ солому перьями. Бабка шепчетъ что-то несвязное, неразборчивое . . . Настя придвинулась ближе, начинаетъ вслушиваться и различать слова. И не знаетъ Настя, бредитъ ли бабка, или говоритъ на яву.

Замолчала бабка, зашептала молитвы. Настѣ страшно стало, два окна глядятъ въ темнотѣ, какъ два тусклыхъ глаза. Кажется, что кто-то тихо въ окошко стучится, кто-то высокій и

темный по избѣ ходить и половицы подъ нимъ скрипятъ.

— Бабка, а бабка, мнѣ страшно, шепчетъ Настя.

Бабка протягиваетъ въ темнотѣ дрожащую сухую руку, креститъ Настю и гладитъ по лицу и волосамъ. Но стукъ въ окно усиливается, кто-то настойчиво, но тихо стучитъ ногтемъ по стеклу.

— Бабка, а вѣдь быдто кто стучитъ? Боязно!

Настя тихо спускается съ печи, ощупывая въ темнотѣ босыми ногами, куда ступить, и подходитъ къ окну. Тамъ дѣйствительно видна чья-то высокая темная фигура.

— Кто тамъ? кричитъ Настя. Фигура придвигается къ окну. — Кто такой?

— Ты Настасья Трифонова Плотникова?

— А ты чей будешь? На что тебѣ?

— Не ладно съ улицы-то говорить, впусти въ избу!

— Да мнѣ боязно, что ты за человекъ. Поди — недобрый?

— Слушай, я старшина волостной, или не признала? Да огня не разводи, я сейчасъ назадъ уѣду.

— Да ты побожись.

— Вотъ-те Христось!

Настя накинула полушубокъ, зажгла жестяную лампочку безъ стекла и съ нею вышла въ сѣни. Отодвинувъ засовъ, она впустила высокаго мужика. Борода и волосы были растрепаны, глаза глядѣли мрачно:

— Ты и есть Настасья?

— Иди въ избу что-ли, что здѣсь остановился?

— Ладно! Деньги вамъ — пять рублей были поштою. Такъ я сказалъ, что они потеряны. Неправду сказалъ тогда. Сынишка мой заболѣлъ, умираетъ. Такъ совѣсть меня замучила, — не изъ-за меня-ли? Грѣховъ у меня много по разнымъ мѣстамъ. Деньги то свои возьми, да еще 40 копеекъ отъ меня. Простите меня окаяннаго! Всѣмъ умирать приходится, смерть у насъ закосила по селу, мало кто на лавкѣ не повалялся.

Настя взяла золотой, но отъ 40 копеекъ отказалась: „Христось съ тобой, и на нашихъ спасибо“. Ей стало жалко старосту; подперевши щеку рукой, она спросила:

— Такъ сынишка твой боленъ, говоришь?

— Умираетъ. Я ночью подвѣхалъ, чтобъ мужики не видѣли. Лошадь въ лѣсу привязалъ. Помолился за парнишку, обидѣлъ я тебя, такъ твоя молитва скорѣй до Бога дойдетъ. Да смотри, никому не сказывай, что я пріѣзжалъ. Я, вѣдь, тайкомъ . . . Прощай!

— Съ Богомъ!

Настя задвинула засовомъ двери и вернулась къ бабкѣ на печь подъ теплый тулупъ. Въ избѣ стало опять тихо. Гдѣ-то на деревнѣ, надрываясь, лаяла собака. Появленіе старшины казалось сномъ, но реальнымъ оставался золотой.

Настала зима, очень снѣжная, сугробы снѣга окружили Малмыжку со всѣхъ сторонъ. Часто деревня была отрѣзана отъ всего міра, когда надъ ней крутились метели. Нѣкоторыя семьи соединились въ одну избу, чтобы теплѣе было и легче прокормиться. Запасы тщательно оберегались и всѣ слѣдили другъ за другомъ. Сѣна не было. Скоту давали старую солому. Коровы съ взъерошенной шерстью мычали цѣлые дни. Мужики, не желая

дожидаться падежа, стали рѣзать скотину. Но коровы, казавшіяся надежными, падали и, не вставая, околѣвали. Мужики подвѣшивали скотину къ потолку на веревкахъ. Падали и лошади. Ихъ оберегали, кормили чѣмъ могли, но лошади безсилѣли и съ трудомъ возили дрова изъ лѣсу.

Понемногу стали усиливаться болѣзни. Больше заболѣвали женщины и дѣти; начиналось съ того, что чувствовалась сонливость, слабость, желанье лежать и не двигаться. Больная ложилась на лавку или печь и молча, неподвижно лежала часы и дни. Затѣмъ появлялись опухоли, боли. Ежедневно число лежащихъ увеличивалось. Если бы пройти по всѣмъ избамъ, то въ каждой ударилъ бы тяжелый одуряющій запахъ множества скученныхъ людей и всюду видны были бы лежащія безмолвныя тѣла взрослыхъ и дѣтей, покрытыхъ тряпьемъ и овчинами. Нѣкоторые заболѣвали иначе. У нихъ появлялся жаръ и ознобъ, болѣлъ животъ и они, помучившись, умирали или медленно оправлялись.

Въ деревню никто не пріѣзжалъ. Только изъ нея ѣздили мужики въ

село, въ которомъ было волостное правленіе, церковь, лавки и кабакъ. Мужики возили туда отпѣвать умершихъ, гоняли скотину, продавали свои имѣвшія какую-нибудь цѣну вещи. Оттуда привозили домой муку.

Разъ въ воскресенье пріѣхали въ деревню вотяки на трехъ саняхъ, запряженныхъ парами лошадокъ съ бубенчиками. Они были въ мохнатыхъ мѣховыхъ шапкахъ, съ слезливыми маленькими глазами; на тулупахъ были цвѣтныя нашивки, лапти переплетены красными и зелеными тесемками. Они пріѣхали, чтобы взять къ себѣ на усыновленіе нѣсколькихъ дѣтей. Мужики знали, что хотя вотяки живутъ бѣдно и грязно, но это отъ скупости, что они народъ богатый, у нихъ и деньги имѣются и большіе запасы хлѣба. Если имъ дать дѣтей, тѣ, по крайней мѣрѣ, не распухнутъ и не подохнутъ съ голода. Втайнѣ мужики надѣялись въ будущемъ дѣтей отнять обратно.

— Мой ребятки не имѣлъ, Божинька не давалъ. Продавай ребятки, мой деньга давалъ, кормилъ, сынъ сдѣлалъ, когда мой помиралъ,—хозяинъ сдѣлалъ!

Вотяки взяли нѣсколькихъ „красненькихъ“, т. е. рыжихъ мальчиковъ и бѣлокурыхъ дѣвочекъ и оставили по полтиннику и по цѣлковому за cadaго. Бабы ревѣли, бѣжали за санями, мужики смотрѣли въ стороны, не рѣшаясь взглянуть другъ другу въ глаза, плевались и повторяли:

— Божья воля, шутъ ихъ дери!

Вечеромъ достали Богъ вѣсть откуда водки, всѣ перепились, стыдили другъ друга „каинами“, и была драка великая.

Въ февралѣ бабка распухла, постонала недѣли двѣ и померла. Настя сама ее обмыла и одѣла. Пришелъ мало знакомый паренекъ и сказалъ, что онъ сколотитъ гробъ и свезетъ бабку въ церковь. Онъ былъ невысокій, съ жесткими щетинистыми волосами, такими свѣтлыми, что они были свѣтлѣе его лица. У него были добрые голубые глаза, и онъ постоянно краснѣлъ такъ, что лицо покрывалось багровыми пятнами. Настя не ожидала именно отъ него услуги, такъ какъ съ нимъ до сихъ поръ она двухъ словъ не сказала. Гробъ былъ имъ сколоченъ къ вечеру; паренекъ съ Настей сложили въ него

окоченѣвшую бабку и поставили на столъ среди избы. Въ головахъ прилѣпили восковую свѣчку. Въ избѣ было темно. Настя, сидя возлѣ гроба на лавочкѣ, медленно и старательно читала псалтырь. Слабый мерцающій огонекъ свѣчи бросалъ косые лучи на загорѣлый морщинистый лобъ бабки съ сдвинутыми бровями. Поскрипывалъ сверчокъ за печкой. Паренекъ приходилъ еще раза два, садился на лавку возлѣ дверей, мялъ шапку въ рукахъ, слушалъ святыя непонятныя слова, которыя читала Настя; или вставалъ, подходилъ къ гробу и, краснѣя багровыми пятнами, любовно гладилъ загрубѣлой рукой по свѣже отструганнымъ сосновымъ доскамъ, стараясь сохранить серьезный и дѣловой видъ.

Настя сидѣла ночью возлѣ гроба, то читала псалтырь, то сидя начинала дремать, глаза сами слипались, какъ она ни старалась сохранить бодрость. Утромъ она одѣла полушубокъ и валенки и туго перепоясалась кушакомъ. Въ избу собралось нѣсколько женщинъ и дѣтей и сосѣднихъ мужиковъ. Они помогли вынести гробъ и поставить его на дровни. Исхудалая

и взѣрошенная Буланка воровымъ размѣреннымъ шагомъ потащила дровни на село. Настя съ кнутомъ пошла рядомъ.

Мужики не разъ спрашивали старосту, не собратъ-ли сходъ и просить земскаго начальника о пайкахъ. Они слышали, что во многихъ мѣстахъ выдавались ссуды хлѣбомъ. Староста неизмѣнно отвѣчалъ:

— Нельзя, ребятки. Волостной сказывалъ, что земскій заругаетъ; не позволяетъ, говорить, просить о пайкахъ. А гдѣ собирали, тамъ сейчасъ въ холодную старость посадилъ. Большая мнѣ охота изъ-за васъ сидѣть!

Мужики почесывали затылки и говорили:

— Оно дѣвствительно!

Въ мартѣ неожиданно привезли земскій хлѣбъ, присланный управою. Староста потиралъ руки и говорилъ:

— Видите, ребятки, и прислали намъ хлѣбца, а намозолили бы земскому, онъ бы ъсерчалъ и ничего бы мы не получили. Въ Котловкѣ и Мольнбургтѣ жаловались въ управу, ничего имъ и не выдали.

Мужики опять повторяли:

— Оно дѣвствительно!

Но не всѣ остались довольны. Хлѣбъ раздавался не всѣмъ, а избраннымъ нуждающимся, по усмотрѣнію старосты. Настю обошли. У нея оставалось немного муки, которую она берегла, урѣзывала и старалась продлить на возможно большее число дней. Отъ отца не было никакихъ извѣстій. Она рѣшила уйти куда-либо на заработки, или временно поступить послушницей въ монастырь. Настя уже не была дородная румяная дѣвка. И на ней отразилась голодная зима, медленно и неуклонно высасывавшая жизнь, здоровье, бодрость изъ каждаго взрослога и ребенка. Настя исхудала, сдѣлалась тонкой и высокой, съ тихими движеніями. Расширенные темные глаза глядѣли куда-то мимо людей. Сосѣди смотрѣли на нее съ жалостью и боязнью. „Черная дѣвка стала“, говорили они.

Передъ ея уходомъ пришелъ къ ней бѣловолосый паренекъ, который дѣлалъ гробъ бабкѣ, перекрестился на икону и сѣлъ на лавку.

— Я долото никакъ забылъ, сказалъ онъ, глядя въ сторону и покраснѣвъ. — А ты куда уходить хочешь?

Настя не отвѣчала.

— А ты не уходи!...

Настя слабо покраснѣла, но кровь сейчасъ опять исчезла съ ея лица, темнаго какъ на старыхъ иконахъ.

— Меня голоса зовутъ. Страшно мнѣ тутъ. Бабка это за мной приходитъ или ангелы за мою душеньку спорятъ. И ночью, и днемъ, какъ только тихо станеть въ избѣ, такъ быдто въ углу кто-то двое шепчутся, а словъ не понять. Одинъ быдто сердитый, скоро говоритъ и бранится, а другой жалобный, точно плачетъ, все быдто оправдывается или проситъ. Мнѣ страшно здѣсь. Моченьки нѣтъ оставаться. Я въ Казань схожу, можетъ, это батька меня зоветъ, боленъ, поди, лежитъ гдѣ на дорогѣ и пожалѣть его некому...

На другой день Настя ушла изъ деревни.

Съ обозомъ.

Я лежу на дровняхъ, посреди длиннаго обоза; мои сани—шестыя отъ начала, за мной—саней 16 или двадцать. Отъ нечего дѣлать я пересчитываю ихъ, и цифра постоянно мѣняется, — заднія то отстаютъ и исчезаютъ въ туманѣ, то догоняютъ, и ѣдутъ въ хвостѣ обоза. Впереди я вижу силуэты переднихъ ѣздоковъ; первой идетъ коренастая гнѣдая лошадка, вся запошенная инеемъ. Она идетъ шагомъ, поматывая головой; на дровняхъ ея лежатъ два куля, вѣроятно, съ солью, и ея хозяинъ, спитъ; сквозь сумерки видны три горба, но который изъ нихъ туть хозяинъ, не разобрать... Дорога

все время вѣтся: переднія пять саней то заворачиваютъ, и я вижу ихъ всѣ — одни за другими, то выравниваются впереди гуськомъ въ линію, и ихъ уже не видно за крупомъ моей лошади.

Морозъ градусовъ 20. Тихо, вѣтра нѣтъ. Вечеръ. Но сколько времени, опредѣлить нельзя: въ декабрѣ темнѣетъ уже около 4 часовъ дня, и затѣмъ тянутся монотонные сумерки вплоть до 7—8 часовъ утра слѣдующаго дня. Можно бы опредѣлить, — но для этого нужно распахивать полушубокъ, растегивать куртку, снимать рукавицы и вытаскивать часы, а на морозѣ сейчасъ холодныя струйки пробѣгутъ по всему тѣлу, черезъ нѣсколько секундъ руки окоченѣютъ, и долго нужно будетъ потомъ похлопывать рукавицами, пока достигнется снова равномерная температура... Да и не все ли равно, сколько времени? Дорога дальняя, ѣхать еще придется ой-ой сколько, еще впереди двѣ остановки на постоянныхъ дворахъ: стало быть, лучше не думать вовсе о времени, а заснуть, или мечтать, или болтать съ мужиками, — вмѣстѣ съ лошадьми понемногу и время незамѣтно подвинется впередъ.

Я лежу въ дровняхъ на сѣнѣ, но сѣно постоянно разлѣзается, и я оказываюсь на кулѣ съ солью, который твердъ, какъ камень, и отлежалъ мнѣ бока. Соль все время просачивается и мажетъ мой полушубокъ. Возлѣ меня торчитъ изъ сѣна бутылъ съ керосиномъ, который болтается на выбоинахъ дороги. Возница мой лежитъ на дровняхъ, рядомъ со мной; онъ поднялъ высокій воротникъ своей шубы, который стоитъ выше его головы, и молча смотритъ сквозь щель, а можетъ быть, и спитъ,—кто его знаетъ... Ему тепло лежать, у него полушубокъ и сверху вторая просторная дубленая шуба, на ногахъ лапти, — самая теплая вещь въ дорогѣ, лучше всякихъ валенокъ. Я же одѣтъ холоднѣе, морозъ нагрянулъ неожиданно, а до Рождества тамъ, гдѣ я страствовалъ, все время была оттепель. На мнѣ одинъ романовскій полушубокъ и высокіе сапоги, — самая непрактичная вещь въ морозъ; на головѣ башлыкъ; я лежу бокомъ, подобралъ ноги и спрятавъ ихъ подъ длинной полой полушубка. Но чуть только задремлешь, невольно вытянешь ноги, и морозъ начинаетъ кусаться.

Почти совсѣмъ надо мной свѣсилась добрая, мохнатая голова задней лошади. На мордѣ висятъ сосульки, вся шерсть взъерошена и покрыта инеемъ. Лошадка мѣрно покачиваетъ головой при каждомъ шагѣ и аккуратно слѣдуетъ за нами.—Переднія побѣгутъ рысью, наша подтянется, задняя не отстанетъ, и весь обозъ затруситъ впередъ, пока передняя не пойдетъ опять шагомъ; тогда мужики встаютъ съ дровней, идутъ рядомъ по дорогѣ, сходятся по двое, трое.

Всѣ они ѣздили во Ржевъ, за 80 верстъ, продавать ленъ и теперь порожнякомъ возвращаются назадъ. Мой возница всталъ, переднихъ трое мужиковъ встали тоже, поровнялись съ моимъ возницей и пошли рядомъ.

— Ну, какъ, Василій Ивановичъ, ты продалъ?

— Да не важно. Тихо нынче со льномъ.

— Да, тихо, тихо.

— А Иванъ-то Клементьичъ привезъ, говоритъ, во Ржевъ, ему дали по три съ полтиной.—Онъ и обрадовался, на тройкѣ весь свой остатній ленъ свезъ, — и вдругъ — два семь гривенъ! Онъ

ждетъ день,—опять два семь гривенъ; ждетъ третій—два шесть гривенъ! Не назадъ же везти! Онъ заплакалъ даже, какъ лень отдавалъ.

— Да и купцамъ-то тоже поди неважно приходится. Въ одной едино-вѣрческой слободѣ челоуѣка три раззорилось и закрыли лавочку.

— А это что за сѣдокъ у тебя?—

— Да не знаю: учитель что-ли, или изъ духовнаго званія. Обученый какой-то. Вѣроятно, защиты ѣдетъ просить или на должность.

— Да, да, конечно: кто по своей охотѣ въ дорогу отправится? Вѣрно, неволя выслала.

— На Михайловъ погостъ, говоритъ, пробирается.

Передняя лошадь опять побѣжала рысью. За ней потянулся и весь обозъ. Мужики въ рассыпную бросились къ своимъ санямъ. Рядомъ со мной опять очутился мой возница Василий Ивановичъ.

Кругомъ бѣлыя снѣжныя поляны, вдали видны черныя силуэты деревьевъ; неопредѣленные какія то темныя пятна, — вѣроятно, кусты. Изрѣдка къ дорогѣ подступаетъ опушка лѣса; тонкія

и длинныя вѣтви обнаженныхъ деревьевъ производятъ впечатлѣніе прозрачности и воздушности, а въ туманѣ весь лѣсъ кажется легкимъ и дымчатымъ. Иногда попадается на дорогѣ деревня. Тишина полная; въ большей части избъ огни потушены, кое-гдѣ горитъ огонь, и видна спина бабы въ сѣрой холстинной рубахѣ съ красными вышивками на плечахъ; возлѣ нея прялка... Чья-нибудь фигура падаетъ къ окошку, составленному изъ кусочковъ стекла, склеенныхъ бумагою, и старается, разсмотрѣть, кто ѣдетъ по улицѣ.

Опять снѣжныя равнины. Дремлется подъ поскрипыванье связанныхъ лыкомъ саней, топоть и фырганье маленькихъ лошадокъ, изрѣдка понуканье проснувшагося мужика. Чуть-чуть посвѣтлѣло,—это на небѣ сквозь сѣрыя тучи показалось мутное пятно мѣсяца.

Спустились съ горы: сани раскатывались безъ желѣзныхъ полозьевъ, безъ „гормазовъ“, какъ говорятъ мужики; насъ встряхивало, бросало изъ стороны въ сторону на скатахъ дороги. Поднялись снова на гору, и показалась деревенька въ нѣсколько избъ.

— Вотъ и Тарасово, — сказалъ Василій Ивановичъ. Здѣсь обогрѣмся, чайку попьемъ и отдохнемъ.

Посреди деревни стояло два низенькихъ длинныхъ домика и одинъ новый и высокій. Передъ ними вся дорога была усыпана сѣномъ отъ множества проѣзжавшихъ. Три воза со льномъ стояли привязанными къ колодѣ. Передняя наша лошадка свернула и уперлась головой въ самыя ворота. Не весь нашъ обозъ остановился, саней восемь проѣхали дальше: ихъ деревни были, вѣроятно, недалеко или они привыкли останавливаться на другомъ, знакомомъ имъ постояломъ дворѣ. Двое изъ нашихъ подошли къ окошку и стали стучать; извнутри послышался женскій голосъ.

— Сейчасъ, мои рѣнные, — сейчасъ, мои желанные, — сейчасъ дворникъ ворота откроетъ.

Заскрипѣли высокія ворота, показалась темная фигура человѣка съ фонаремъ; передній въѣхалъ, за нимъ и остальные. Небольшой квадратный дворикъ съ трехъ сторонъ былъ окруженъ навѣсами; подъ ними стояло много саней; отпряженные лошади были при-

вязаны головой къ санямъ, ѣли сѣно и овесъ. Въ одномъ углу висѣли громадные вѣсы, и баба въ полушубкѣ съ фонаремъ что-то отвѣщивала двумъ мужикамъ въ тулупахъ. Всѣ прибывшіе искусно пробрались между стоявшими лошадьми и сумѣли размѣститься.

Баба, покончившая съ вѣсами, качая въ темнотѣ фонаремъ, подошла къ приѣхавшимъ.

— Ужъ вы извините, желанные мои: не можемъ васъ въ свѣтлыя горницы провести, заняты онѣ. Дорога желѣзная у насъ строится, такъ анджинеръ съ этой дороги у насъ сегодня всѣ три комнаты взялъ: цѣтъ онъ любить и хочетъ, чтобы никто ему не мѣшалъ, ходить по всѣмъ тремъ комнатамъ и поеть. Вы ужъ потѣснитесь у насъ на кухнѣ. Кухня у насъ хорошая, просторная; только народу набралось много, все бѣльскіе уроды понаѣхали.

Вмѣстѣ съ другими я вошелъ въ низенькую дверь, прошелъ узкимъ и кривымъ корридорчикомъ, подпертымъ бревнами, чтобы потолокъ не провалился; гдѣ-то сбоку въ стѣнѣ откры-

лась дверь съ аршинной высоты порогомъ.

Мы перешагнули въ небольшую квадратную комнату, сажени три въ ширину. Въ этомъ крохотномъ помещеніи съ нашимъ прибытіемъ оказалось, по крайней мѣрѣ, человѣкъ сорокъ. Всюду, куда только можно было взглянуть, видны были сидящія фигуры во всевозможныхъ позахъ и положеніяхъ. На полу была набросана солома, и лежали въ повалку мужики. На печи, лежанкѣ и скамьяхъ лежали мужики, бабы, дѣти; иные спали сидя, прислонившись къ стѣнѣ. За столомъ сидѣли два мужика и хлебали что-то изъ одной миски. Мои спутники подолгу стали молиться на потемнѣвшіе образа, потомъ распоясались и легли на полу, найдя себѣ мѣстечко среди другихъ лежавшихъ. Василій Ивановичъ не легъ, а сѣлъ на лавкѣ и съ очень унылымъ видомъ уставился въ полъ. Когда снова вошла въ избу баба, приведшая насъ со двора, съ заспаннымъ и недовольнымъ лицомъ,—Василій Ивановичъ ущипнулъ ее и, заискивая, спросилъ:

— Нельзя ли бы, молодуха, сороковочку?

Откуда-то изъ подъ лавки раздался басистый голосъ:—И мнѣ!—а на печи поднялась всклокоченная голова и заявила, что тоже не откажется.

— Проклятые, покою на васъ нѣтъ, — заворчала баба.—Только жизнь мою молодую загублю, изсушу мое тѣло бѣлое этими ночами безсонными. Сейчасъ вамъ достану, мои желанные, всего, чего хотите, чтобы вамъ пойти да споткнуться!

— Да ты, Домнушка, не сердись, —мы тебя уважимъ и тебѣ поднесемъ, а потомъ поляжемъ, и никто больше тебя не побезпокоить!

— Не нужно мнѣ ничего вашего. Спать до смерти хочется, — а тутъ вѣзись съ вами! Сейчасъ спрошу у хозяйки и принесу вамъ.

Домна уходитъ, и черезъ нѣсколько минутъ распаивается дверь, и появляется дородная хозяйка постоялаго двора съ накинутою на плечи шубою. Точно Марѳа-посадница, кричитъ она зычнымъ голосомъ:

— Кто хочетъ что-нибудь изъ лавки, такъ я выдамъ, а потомъ ужъ больше не смѣйте безпокоить.

Встаютъ съ пола и изъ-за угловъ

какія-то заспанная всклокоченная фігуры и уходятъ вслѣдъ за хозяйкой; вскорѣ они возвращаются съ связками баранокъ и бутылочками. Водку благоговѣнно, перекрестясь, они выпиваютъ закусываютъ баранками и ложатся снова спать.

Странное впечатлѣніе производитъ эта толпа спящихъ людей. Необыденнымъ является дѣтски довѣрчивое отношеніе другъ къ другу, совершенно отсутствующее въ городской толпѣ. Эти мужики, продавшіе ленъ и, стало быть, возвращающіеся съ деньгами, — по крестьянскому бюджету очень большими, — не выказывали ни малѣйшей боязни или недовѣрчивости къ тѣмъ совершенно невѣдомымъ имъ проѣзжимъ, съ которыми имъ придется провести ночь въ одной комнатѣ. Одинъ заговариваетъ съ другимъ, какъ будто вчера только съ нимъ разстался и вѣкъ былъ знакомъ; онъ посвящаетъ въ свои интересы, говоритъ о своей бѣдѣ, и другой истинно сочувствуетъ.

— Не знаю, что сдѣлалось съ конемъ. Не ѣсть сѣна и овса не ѣсть. Попробовалъ немного и морду отворотилъ. Пришелъ я снова, — онъ лежитъ:

я поднятъ, поставилъ, стоитъ онъ, раскорячивъ ноги. Вотъ сейчасъ опять ходилъ, — конь лежитъ снова.

— Ты опоилъ, быть можетъ.

— Какое! два часа уже какъ приѣхалъ, а пить ему не далъ еще.

Нѣсколько мужиковъ уже всей душой приняли участіе въ опасеніяхъ въ первый разъ встрѣчаемаго человѣка. Они встаютъ, отыскиваютъ шапки подъ скамейкой и идутъ во дворъ. Тамъ всѣ обступаютъ чалаго коня, который лежитъ на землѣ на брюхѣ, подбравъ подъ себя ноги и, меланхолично поднявъ голову на длинной шеѣ и отвѣсивъ нижнюю губу, съ полнымъ равнодушіемъ относится къ своимъ зрителямъ. Мужики начинаютъ подымать коня; одни тянутъ за голову, другіе толкаютъ въ бокъ, наконецъ, кто-то тащитъ кверху за хвостъ, и конь къ общему удовольствію встаетъ. Знатоки ощупываютъ его со всѣхъ сторонъ, поднимаютъ поочередно всѣ четыре ноги, наконецъ, рѣшаютъ, что ничего особеннаго у коня нѣтъ, а что просто и у скотины своя фантазія бываетъ.

Всѣ возвращаются въ комнату и снова ложатся спать. На нѣкоторое

время все нѣсколько затихаетъ. Слышно дыханье спящихъ, храпъ, изъ-подъ лавки одного лохматого мужика. На печи старушечій кашель, иногда слышно сквозь сонъ бормотанье словъ или шопоть. „О, Господи, помилуй!“ скажетъ кто-нибудь, переворачиваясь на другой бокъ. На стѣнѣ монотонно постукиваютъ часы, закоптѣлые и засиженные мухами. Нѣкоторые проѣзжіе изрѣдка встаютъ, подходятъ къ часамъ, съ просонковъ долго вглядываются, жмурясь, въ циферблатъ, затѣмъ, если время подошло ѣхать, идутъ во дворъ поить лошадей и запрягать.

Старовѣрка.

Раннее утро, свѣтаетъ. Скрипитъ воротъ у колодца, плещетъ ледяная вода. Бабы въ тулупахъ, закутанныя въ платки, идутъ по скрипучему снѣгу съ ведрами. Еще сумерки; на небѣ густыя, мрачныя тучи. Бѣлый снѣгъ, засыпавшій всѣ окрестности и навалившій сугробами на крыши, отлиываетъ синимъ цвѣтомъ и лиловыми тѣнями. На востокъ багрово красный горизонтъ. За околицей свищетъ вѣтеръ, черезъ дорогу видны заячьи слѣды.

Входишь въ деревню по уѣзжанной дорогѣ, идешь протоптанной дорожкой подъ избами; въ окна заглядываютъ

хозяева. Невольно приходится вглядываться въ ихъ любопытныя лица, чтобы выбрать болѣе ласковое и тамъ попроситься передохнуть.

— Эй, чужакъ, заходи погрѣться!

Избенка маленькая, съ черными гнилыми бревнами; покосилась и навалилась на хлѣвъ, тѣмъ только и держится, а то бы давно развалилась. Я вхожу сквозь низенькія сѣни внутрь. Небольшая комната; стѣны такъ мохомъ законопачены, точно заросли отъ старости. На потолкѣ копотъ и паутина. Бѣдность, грязно; на старой бабѣ возлѣ печки одни лохмотья.

Возлѣ окна сидитъ хозяинъ, высокій паренъ въ разодранной рубахѣ. Глаза глядятъ внимательно, сосредоточенно, но бодро, только промежь бровей мрачная складка.

А возлѣ стола, грустно облокотившись и положивъ кулакъ подъ голову, сидитъ другой человекъ. по виду купецъ, одѣтый богато, въ синей долгополой поддевкѣ, съ золотой цѣпочкой, въ шелковой голубой рубахѣ; волосы кудрявые, свѣтлая бородка и голубые душевные глаза. Передъ нимъ на столѣ бутылка водки и два стаканчика.

Послѣ нѣсколькихъ фразъ короткаго разговора, купецъ придвинулся ко мнѣ, положилъ руку на плечо и, глядя въ глаза, сказалъ:

— Побратимъ, послушай! Я тебя озолочу, если ты мнѣ поможешь. Ты человекъ чужестранный, ты и сдѣлать это, поди, сумѣешь. Побратимъ, помоги мнѣ.

— Если могу чѣмъ помочь, такъ и безъ денегъ помогу.

— Слушай! Есть у насъ купецъ, богатѣющій старовѣръ, Туровскій его зовутъ, слышалъ, поди! Три сына у него, дубъ дуба чище молодцы. Каждаго онъ выдѣлилъ, каждому свою усадьбу далъ. И есть у него дочь Агрипина. Вышла Агрипина замужъ за прикащика Туровскаго; выдѣлилъ онъ и имъ имѣніе. Да не долго прожили вмѣстѣ, умерила мужа сталовѣрка, ума лишился, замѣшался совсѣмъ и померъ. И случилась такая бѣда, что увидалъ я сталовѣрку молодую вдову: высокая, голову гордо несетъ, глаза темные, ресницы приспущены, и на губахъ усмѣшка. Сказалъ я себѣ тогда, вотъ мнѣ жена, женюсь я на ней. Чтожъ, я капиталомъ не меньше ея, три дома у меня каменныхъ, два завода, село свое есть и

мельница. Дѣло долго не затянулось; передъ рождествомъ я ее увидѣлъ, а послѣ рождества мы и обвѣнчались. Родился сынъ у меня. Жили мы сперва ничего, а скоро стало и жестоко намъ.

— Сталовѣрка, говоритъ она, я да и только. И ты, говоритъ, долженъ въ нашу вѣру оборотиться.—Я любилъ ее, конечно, а сладить не смогъ. Въ церковь она меня не пускала. Ну, коли она уѣдетъ въ воскресенье кататься, я тѣмъ временемъ сбѣгаю на погостъ, съ полъ версты онъ будетъ, не больше. Узнала она это. Одинъ разъ меня не было дома, я въ городъ по своимъ дѣламъ уѣхалъ. Приказала она заложить сани и сказала, что кататься поѣдетъ. А кататься она любила. Сѣла и укатила и сына съ собой взяла. Вернулся я, нахожу записку: „Прощай навсегда. Не сумѣлъ меня подогнуть, такъ и не удержать и подавно. А съ никоніанцемъ жить не хочу“. Сперва я былъ какъ бѣшеный. Чего я ни дѣлалъ, и полиціей и судомъ хотѣлъ ее вытребовать, и къ ней ѣздилъ. Приѣхалъ разъ подъ окно въ бѣговыхъ дрожкахъ. Окно раскрыто, въ окнѣ сынокъ сидитъ. И узналъ меня, закричалъ: „вонъ тятка

приѣхалъ!“ Да сама подбѣжала: — „Врешь ты, это не тятка; твой тятка давно умеръ!“, схватила его въ охапку и унесла. А тутъ собаки были спущены, мой жеребецъ испугался и понесъ меня.—На сталовѣрку я рукой махнулъ, съ ней ладу не будетъ, она съ норовомъ. Да тамъ еще появился около нея какой то начетчикъ или прикащикъ, съ ней все вмѣстѣ ѣздить. Они уже, видно, сговорились и поладили. А вотъ сынъ! — Я думаю о немъ день и ночь, сонъ въ голову нейдетъ, сердце кровью обливается. Рѣшилъ я его выкрасть. Найду людей, которые это сдѣлаютъ. Мнѣ самому туда нельзя сунуться, меня тамъ всякая собака знаетъ. А вотъ кто чужой могъ бы это сдѣлать. Возьмись за это молодецъ хорошій; коли выкрадешь сына, сто рублей денегъ дамъ.

Насчетъ кражи ребенка мы не договорились; купецъ захмелѣлъ и заснулъ.

Дальше опять была таже уѣзжанная дорога, сугробы, обнаженные березы, засыпанныя снѣгомъ ели, заячьи слѣды возлѣ лѣса; тѣ же, точно зарывшіяся въ снѣгъ, деревни, такъ же похожія одна на другую, какъ и встрѣчные мужики.

Народная пѣсня.

Межъ крутыхъ береговъ
 Рѣка Волга течеть,
 Вслѣдъ за нею волной
 Легка лодка плыветъ.
 Въ ней сидѣлъ молодець,
 Шапка съ кистью на немъ;
 Онъ съ веревкой въ рукѣ
 Воду рѣзалъ весломъ.
 Онъ ко бережку плылъ,
 Ко крутому присталъ,
 Лодку въ мигъ привязалъ,
 Соловьемъ просвисталъ.
 Какъ на бережкѣ томъ
 Красный теремъ стоитъ.
 Что во томъ терему
 Тутъ красотка живетъ.
 У ней вотчимъ крутой,
 Воевода лихой.

Записана въ дер. Сентякъ, Елабуж. у.

Счастье.

Это было осенью. Я вышелъ изъ города и пошелъ по дорогѣ. Былъ не морозъ и не оттепель. Льдинками затянуты были лужи; поля сырыя, коричневыя, разстилались кругомъ по равнинѣ, кое гдѣ лежалъ рѣдкими бѣлыми пятнами тающій снѣгъ. Небольшія рощи виднѣлись вдали съ молодыми тонкими деревьями, обнаженными отъ листьевъ. Галки и вороны стаями летали по небу, прыгали по дорогѣ и садились на мятые, низкіе, полузамерзшіе озими. Коегдѣ виднѣлись по дорогѣ мужики, возвращавшіеся изъ города. На сѣромъ небѣ безчисленныя облака какъ будто не двигались и были въ такомъ же за-

думчивомъ молчаніи, какъ и все въ этой равнинѣ.

Меня перегоняло много мужиковъ. Ихъ маленькія взъерошенныя лошадки мелкой рысью бѣжали по дорогѣ; въ телѣгахъ лежали мужики, предоставивъ лошадамъ бѣжать, какъ вздумается.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ былъ спускъ къ ручью, и гдѣ вся дорога была изрыта колеями и полна воды, шагомъ плелись три телѣги. Мужики соскочили на землю и шли рядомъ.

— Далеко идешь? спрашиваетъ одинъ.

— Не знаю, далеко ли, отвѣчаю я,—далеко ли, близко ли, какъ свое дѣло найду.

— По какому же ты дѣлу идешь?

— Мое дѣло такое, иду по Россіи и хочу узнать, есть ли на свѣтѣ счастье?

— Ишь ты какой, на слова гораздый, сказалъ собесѣдникъ и недовѣрчиво сталъ всматриваться.

— А что такое счастье? воскликнулъ другой мужикъ, молодой парень. Вотъ, когда деньги звенятъ въ карманѣ, вошелъ въ кабакъ, подошелъ къ стойкѣ: „подходи ребята, всѣхъ я угощаю“! Да еще дѣвка при этомъ хорошая,—вотъ тебѣ и счастье!

— Нѣтъ, ты не ладно сказалъ, это счастье только до завтрашняго дня, сегодня счастье, а завтра голова болитъ.

— А ты, дядя, скажи, что такое счастье?

— Счастье? А я и не знаю, что такое счастье, въ нашу деревню оно не заходитъ, да и по дорогѣ я его тоже не встрѣчалъ. Ты попытай, можетъ гдѣ въ другихъ мѣстахъ оно живетъ, счастье—то!

— А вотъ третій еще что скажетъ? Ты что на счетъ счастья думаешь?

— Я думаю, что счастье—это кто человѣкъ, значить, разсудительный, себя соблюдаетъ, можетъ все справить, какъ слѣдуетъ быть, и въ дорогѣ, къ примѣру, тоже себя соблюдаетъ и въ хозяйствѣ тоже человѣкъ карахтерный, вотъ это и есть счастье.

Смотрю я на этого мужика: одежда на немъ заплатанная, изъ шапки дыры глядятъ, даже лапти растрепались.

— Да ты на меня не смотри, это я, вѣдь, не про себя говорю. Потому я и говорю про счастье, что у меня самага двугривенный въ карманѣ не

залежится, сейчас его въ кабакъ снесу.

— Такъ куда-жъ ты всетаки идешь? Мы же видимъ, что счастьемъ ты это намъ зубы заговариваешь.

— Я знаю, ты, вѣрно, въ деревню Заболоть идешь.

— Да.

— Не къ Митрію ли Иванову?

— Да.

— То-то. Я такъ и смотрю, и думаю: вѣрно, онъ къ Митрію Иванову идетъ въ Заболоть.

Мужики уѣхали впередъ. Я никогда въ Заболоть и не собирался, и не слышалъ про нее, а давно о какомъ-то Митріѣ.

Версть черезъ 10 я подходилъ къ опушкѣ лѣса, возлѣ котораго распозлились нѣсколько избъ; отъ бабы, бравшей воду у колодца, я узналъ, что это деревня Заболоть, а Митрій Ивановъ живетъ возлѣ самаго лѣса, въ крайней избѣ. Было часа 4 дня, когда осеннія сумерки начинаютъ заволакивать туманомъ даль.

Я вошелъ въ избу, на которой была досечка съ надписью „Дмитрій Ивановъ“ и нарисована пожарная бочка. Поднялся

сквозь сѣни въ избу, на лавкѣ сидѣлъ старый мужикъ, съ очками на концѣ носа, считалъ на счетахъ, и слюнявя палець, перебиралъ какія-то бумаги, вода пальцемъ по растрепанной традикѣ.

— Богъ на помощь, сказалъ я, и сталъ креститься на иконы.

— Здравствуйте, сказалъ Митрій, взглядываясь въ меня.

— Нельзя ли у васъ чайкомъ погрѣться? Я заплачу за самоваръ.

— Просимъ милости, баба сейчасъ поставитъ. Ты, можетъ, и ночевать хочешь остаться?

— Хорошо. Я усталъ съ дороги.

— Да куда жъ и идти теперь,— смеркаетъ. Пока придешь въ другую деревню, тамъ спать лягутъ, не достучаться будетъ. Ложись у меня, на лавкѣ ли, или на печи, гдѣ хошь. Мѣста у меня довольно.

— Спасибо на томъ. Такъ ты и есть Митрій Иванычъ?

— Такъ я и есть. Кто жъ тебя послалъ ко мнѣ?

— Да встрѣтилъ по дорогѣ мужика; говоритъ, что ты человекъ добрый, и если кто къ тебѣ попросится ночевать,

ты его и побережешь, какъ слѣдуетъ, и вообще уважишь.

— Да, смотрю я на тебя и дивлюсь: не было еще у меня до сихъ поръ такихъ чистыхъ странниковъ. И полушубокъ у тебя новый, и сапоги цѣлые, и часы есть,—вижу, парень ты фартовый.

Хозяинъ позвалъ бабъ. Пришли двѣ дѣвушки, поставили самоваръ и сѣли на лавкѣ подъ печкой, слушая нашъ разговоръ. Хозяинъ же сталъ со мной вмѣстѣ пить чай, спрашивая меня обо всемъ, а самъ рассказалъ, что онъ держитъ маленькую мелочную торговлю.

Стали мы говорить о разныхъ дѣлахъ и разныхъ высокихъ предметахъ, о церкви, о Богѣ, о смерти, о правдѣ.

— Правда теперь прячется и стыдится и робѣетъ. Правда по маленькимъ людямъ сидитъ, которые про себя ее держатъ. Всѣ бѣдные, тихіе, робкіе они правду знаютъ и правдой живутъ. А сильные, веселые, здоровые, удачливые, живутъ инымъ чѣмъ-то; они живутъ чутьемъ и тѣмъ, что глядятъ въ оба. А мужикъ недоволенъ. Онъ молчитъ, ничего не говоритъ, и ничего и не скажетъ, потому что ему разсуждать не приказано и отъ него никто

разсужденій его не спрашиваетъ. Что такое мужикъ? — Первое хозяинъ. Одинъ баринъ имѣетъ 1000 десятинъ, одинъ сто, а крестьянинъ четыре. А онъ такой же хозяинъ. Своя у него земля, онъ по своимъ четыремъ десятинамъ можетъ ходить и властвовать. Такъ что первое мужику нужно оказать уваженіе. Ты стоишь въ шапкѣ, и я стой въ шапкѣ; ты вошелъ въ церковь, снялъ шапку, и я; ты передъ царскимъ портретомъ снимешь шапку, и я сниму. А другъ передъ дружкой мы оба станемъ въ шапкѣ стоять.

Это первое. А второе; зачѣмъ на мужика кричатъ? Что онъ скотина, или душа христіанская? Развѣ мужикъ что скверное дѣлаетъ, что на него кричатъ? Въ церковь ходитъ, молится, какъ по чину полагается, окрещенъ во святой водѣ, въ банѣ парится, удавленнаго или чего сквернаго не ѣстъ. За что же на него кричатъ? Мужикъ работаетъ, землю пашетъ, подати въ казну плотитъ, на службѣ царской кровь свою проливаетъ, а все онъ виноватый въ чемъ-то. Все на него покрикиваютъ, точно на немъ вина какая-то виситъ.

А третье, скажи мнѣ по совѣсти,—

зачѣмъ мужикъ закона не знаетъ, зачѣмъ мужику не дадутъ законовъ? Евангеліемъ сколько уже лѣтъ міръ стоитъ. И дѣды, и прадѣды, и святые, и народы, и царства живутъ, а книжка то всего на всего одна, и тамъ ясно все сказано, какъ жить надо; и можно всякаго спросить, почитай Евангеліе: хочу знать, какъ я жить долженъ. Ну побратимъ мнѣ почитаетъ евангеліе, я и знаю, какъ мнѣ жить нужно; а если преступлю, такъ и знаю, что преступилъ.

А законы должны быть какъ евангеліе, одна книга, что бы она здѣсь передъ мной на столѣ лежала, чтобы я могъ прочесть ее, и знать, какъ поступать. И чтобы, когда я прочелъ законы, и пошелъ на улицу, уже меня никто не смѣлъ тронуть пальцемъ, если я законы знаю и соблюдаю. А если я законъ преступлю, тогда меня и судите. Теперь мужики—маленькіе помѣщики, и они хотятъ поведенія по яснымъ законамъ, да христіанской обходительности. А то идетъ мужикъ и все озирается, не начнетъ ли кто кричать на него. Да тебѣ не понять того, что я говорю. Ты звѣрь свободный.

Сегодня ты здѣсь, а завтра поднялся и ушелъ за сто верстъ. Думаешь ты по дорожному: на холодѣ изба—кладъ, и самоваръ сокровище.

— Смотрю я на тебя, Митрій Ивановичъ, и ты какой-то не русскій, будто. Не то ты штундистъ, не то сектанецъ.

— Богу то мы одному молимся.

— Такъ то такъ; только говоришь ты по особенному.

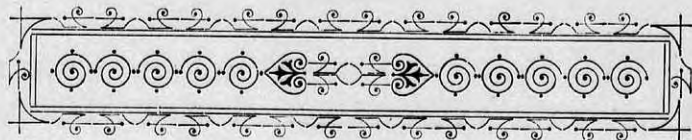
— Такъ то-съ, такъ то-съ! сказалъ онъ задумчиво, но не отвѣтилъ на мои слова. Потомъ въ избу стали приходить мужики, говорили о разныхъ дѣлахъ, „про хлѣба, про покось, про старинушку“, и мнѣ, не удалось болѣе поговорить „по душѣ“ съ Митріемъ Ивановичемъ. Я переночевалъ у него и утромъ ушелъ дальше.

Народная пѣсня.

Дайте чернильницу съ перомъ
 И съ бумажкой гербовой.
 Ужъ я просьбу напишу
 Государю своему.
 Государь—отъ нашъ отецъ,
 Мы сольемъ ему вѣнецъ.
 Мы сольемъ ему вѣнецъ
 Изъ своихъ чистыхъ сердець.

Записана въ д. Кузнерка, Малмыж. у.

Ходаки.

Въ избу стали собираться мужики, все больше пожилые и старые; приходили и ребята, но ихъ выталкивали вонъ. Мужики входили въ кожанныхъ заскорузлыхъ тулупахъ, топотали при входѣ ногами, отряхая снѣгъ, долго молились на темные образа, потомъ садились на низкія лавки кругомъ комнаты, опутивъ лохматыя всклокоченныя головы и опершись локтями о колѣни.

Возлѣ меня сѣлъ высокій старикъ съ длинными и бѣлоснѣжными волосами и бородой патріарха, держа въ рукахъ палку, на которую повѣсилъ свою большую мѣховую шапку. Онъ загово-

рилъ со мной: откуда я, въ какихъ городахъ и губерніяхъ былъ? Мужики разговаривали другъ съ другомъ въ полголоса, а сами въ тоже время, какъ мнѣ казалось, прислушивались къ тому, что я говорилъ съ моимъ сосѣдомъ.

Это было въ глухую осень, въ рыбацкой деревнѣ Нероновъ-Боръ, на берегу озера Ильменя. Отъ первыхъ морозовъ земля застыла крупными комьями, по которымъ скрипучія новгородскія телѣги стучали и прыгали, съ трудомъ влекомыя крестьянскими лошаденками. Сухой легкой снѣгъ не ложился на землю. Озерной, не стихающей вѣтеръ выметалъ его отовсюду и носилъ по полю, быстро нагромождая одинокій сугробъ на какой-нибудь попавшійся по дорогѣ сарай.

Нашъ разговоръ велся въ полголоса, степенно и спокойно. За стѣной не умолкалъ вѣтеръ, доносившій глухой шумъ озера; онъ безъ остановки распѣвалъ тонкими и грустными голосами въ щеляхъ избы. Окошко, склеенное изъ кусочковъ стекла, дребезжало и вздрагивало при порывахъ вѣтра. Маленькая керосиновая лампа, спускавшаяся на желѣзномъ прутѣ съ низкаго

потолка, плохо освѣщала углы, гдѣ виднѣлись темные силуэты серьезныхъ мужиковъ.

— Говори, что ли, Ефимъ, прервалъ нашъ разговоръ одинъ голосъ. Всѣ сразу смолкли и, поднявъ головы, уставились съ выжидающимъ видомъ на моего сосѣда. Старикъ сталъ шарить у себя за пазухой и вынулъ нѣсколько старыхъ сложенныхъ бумагъ. Всѣ мужики тогда заговорили сразу:

— Да, горе у насъ, забытые мы, некому дѣло наше выслушать. Дѣло наше—правое дѣло, а отовсюду гонять насъ, говорятъ: — надоѣли вы съ вашимъ дѣломъ. Да намъ-то что дѣлать, когда другимъ докука?

Изъ темнаго угла вышелъ бородатый мужикъ съ мохнатыми бровями, въ длинномъ разодранномъ тулупѣ, изъ дыръ котораго торчала баранья шерсть. Старикъ Ефимъ, повернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Тимоѣй — истинный человекъ, богомольный. Дѣтей нѣтъ, а съ женой и свояченицей живетъ.

— Слушай чужакъ, сказалъ Тимоѣй, дотронувшись до моей руки. Я Тимоѣй Федоровъ. Я вездѣ все одно

скажу, — вѣрное наше дѣло. Мы — бывшіе крѣпостные, и съ нами сдѣлали ошибку. Баринъ передалъ насъ въ казну, а казна помѣтила, что у насъ 300 десятинъ больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Такъ мы четвертый десятокъ лѣтъ платимъ подати за эти 300 десятинъ, которыхъ у насъ нѣтъ, и все просимъ, чтобы намъ землю смѣрили. А насъ все гонять, говорятъ, что мы даромъ начальство безпокоимъ. Я и до царя батюшки доходилъ, довелъ Господь помазанника видѣть, покойнаго Александра Николаевича, да только дѣло наше всетаки не выгорѣло, и отчего, — расскажу сейчасъ.

Пошли мы по Питеру, Игнатъ за меня держится, боялся очень; а я и тогда уже бывалый считался, потому съ барками часто ѣздилъ. Пошли мы за толпой и вышли на площадь, — а народу тамъ тьма тьмущая. Говорили, въ царя стрѣлялъ кто-то и Божья милость не попустила. Пробрались это мы сквозь народъ и вышли къ самому дворцу, на ступенькахъ даже стали. Игнатъ сзади вцѣпился за кушакъ и такъ не выпускалъ, а то оттерли бы его, и я не сыскалъ бы его больше.

И вотъ народъ весь на колѣни опустился и мы тоже на ступенькахъ стали на колѣни, а прошенье я за пазухой рукой держу. Выйдетъ царь, — прошенье сейчасъ себѣ на голову положу, — мы первые, сейчасъ насъ царская милость и увидитъ.

А рядомъ съ нами стоятъ какіе то мужики и спрашиваютъ:

— Вы не съ прошеніемъ ли?

— Съ прошеніемъ!

— И мы съ прошеніемъ, — мы, говорятъ, рязанскіе; насъ ослобонили, волю дали, да вовсе безъ земли, такъ мы только на царя-батюшку и надѣмся!

А тамъ дальше костромскіе стоятъ, и тѣ съ прошеніемъ. А кругомъ народъ шумитъ, не вѣритъ, боится, что царя задѣло пулей, хочетъ живымъ и здоровымъ увидѣть. А дальше все кареты и кареты стоятъ, все посланники отъ заграничныхъ государей и королей, всѣ поздравлять пріѣхали. Генераловъ что было, — страсть!

Наконецъ зашумѣло въ народѣ, что гуль по лѣсу пошелъ, — царь, царь вышелъ. Весь народъ остатній бросился на колѣни и крики пошли, ура и ура! Шумъ какой, да радость, — что громъ

стоитъ. Глаза-то у меня заволокло, я и не вижу, гдѣ государь, много съ нимъ генераловъ было въ бѣлыхъ перьяхъ.

И вдругъ точно прояснилось во мнѣ, и вижу я, царь стоитъ, спокойный, высокій и печальный. Какая печаль и грусть была въ глазахъ его, я и сказать не могу.

И зашептались тутъ и рязанскіе, и Игнатъ, всѣ какъ въ одно слово сказали: нельзя подавать прошеніе, — потому что печалень государь. Можемъ ли мы, наше темное мужичье, прошенье подавать, когда царь печалень, когда кругомъ заграничные посланники стоятъ, поздравляютъ. И если мы тутъ съ своимъ прошеніемъ полѣземъ, что подумаютъ заграничные посланники про наше государство, какіе, дескать, у насъ непорядки дѣлаются?

Сѣлъ государь въ коляску, и мы, какъ передніе, за коляску ухватились, бѣжимъ рядомъ, кричимъ ура, и радуемся. Вижу, и рязанскіе, и костромскіе тоже ухватились, кричатъ и всѣ бѣгутъ за коляской, и народъ толпой бѣжитъ, и всѣ, какъ дѣти, и плачутъ, и радуются.

Видишь, чужакъ, многимъ ли изъ нашего брата приведетъ Господь царя увидѣть? А я, вотъ какъ передъ тобой, такъ близко стоялъ. Вѣдь, что мнѣ стоило, вынь прошенье и положи на голову, и царь взялъ бы его. Да совесть толкнула, стой, теперь нельзя, государь печалень.

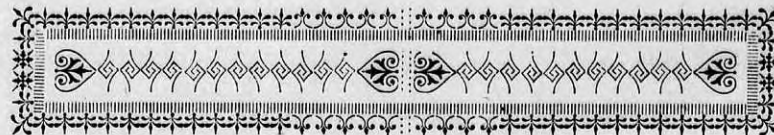
Озерной вѣтеръ шумѣлъ за стѣной, шелестилъ соломой на крышѣ, подвывалъ разными голосами въ щеляхъ. Окошко дребезжало.

Народная пѣсня.

По травкѣ, по муравкѣ
 Добрый молодецъ гуляетъ,
 Красныхъ дѣвокъ выбираетъ.
 Выбралъ дѣвку, выбралъ красну,
 Противъ себя становилъ,
 Дѣвкѣ рѣчи говорилъ:
 „Пойдемъ дѣвка, пойдемъ красна,
 За воротца побороться!“
 Дѣвка парня поборола,
 Черну шляпу съ кудрей сшибла,
 Русы кудри сколочила,
 Синь кафтанъ да разодрала.
 Пошолъ молодецъ, заплакалъ.
 Дѣвка парня сожалѣла,
 Черну шляпу принадеѣла,
 Русы кудри причесала,
 Синь кафтанъ да призашила.

Записана въ д. Кузнерка, Малмыж. у.

Живучіе люди.

Осенью 1898 г. я рѣшился отпра-
 виться бродить по русскимъ деревнямъ.
 Не для чего было ждать лѣтняго вре-
 мени. Хотя, конечно, было бы пріятнѣе
 видѣть крестьянъ на свѣжемъ воздухѣ,
 въ полѣ за работой или у костра, но
 чтобы видѣть крестьянъ не въ приу-
 крашенномъ видѣ, а въ соответствующей
 имъ сѣрой и неприглядной обстановкѣ,
 лучше всего отправиться къ нимъ
 осенью, въ полную распутицу, или зимой,
 въ сильные морозы, когда всѣ попря-
 тались по избамъ, дѣль особенныхъ
 не имѣютъ и рады поболтать со вся-

кимъ новымъ человѣкомъ. Мнѣ хотѣлось пожить жизнью крестьянъ, испытать и понять ихъ печали и радости, и хоть слегка и издали заглянуть въ то, что называется душою народа. Остановиваясь и живя въ крестьянскихъ избахъ, я могъ ясно, безъ какихъ-либо преградъ, увидѣть ежедневную жизнь крестьянина и всѣ его заботы, которыя намъ кажутся такими ничтожными и мелочными, а для него имѣютъ столь громадную важность.

Странное и сильное чувство я испыталъ, когда, впервые одѣвъ полушубокъ, отказался отъ всѣхъ привычекъ, сопровождавшихъ меня съ дѣтства, отъ всѣхъ художественныхъ и научныхъ интересовъ, и попалъ въ толпу мужиковъ въ овчинахъ и чуйкахъ, въ лаптяхъ, заскорузныхъ сапогахъ или валенкахъ. Мнѣ казалось, что нѣтъ возврата назадъ, и никогда уже больше не вырваться изъ этой нищей и грязной толпы. Я ощутилъ чувство полнѣйшей безпомощности,—предоставленный только самому себѣ, своей ловкости и находчивости, — и долго пришлось передѣлывать себя, чтобы освободиться отъ этого гнетущаго, тяжелаго чувства.

Даже въ городѣ, на улицѣ, меня все поражало на каждомъ шагу, въ той толпѣ, которая прямо шла на меня, не давая дороги, тогда какъ раньше мужикъ сторонился передъ моей форменной фуражкой.

Но по мѣрѣ того, какъ я опускался все глубже и глубже въ народную массу, къ моему удивленію, весь окружающій меня бѣдный людъ все возвышался, дѣлался сложнѣе, люди оказывались задушевнѣе, серьезнѣе, типы интереснѣе. И когда мужики не подозрѣвали во мнѣ „барина“, я становился лицомъ къ лицу съ очень развитыми личностями, съ свѣжимъ русскимъ умомъ, съ самостоятельными взглядами и удивительно оригинальными, разнообразными характерами. Мнѣ кажется, что разница въ положеніи слишкомъ прижимаетъ и давитъ того, кто стоитъ ниже и находится въ зависимости: при такомъ положеніи никогда не узнать ни души, ни мыслей того, кто бѣдствуетъ и нуждается; часто замѣчалъ, что мужикъ, разговаривая съ бариномъ, притворяется непонимающимъ или поддакиваетъ противъ собственного убѣжденія, — такъ сказать,

косвенно или инстинктивно льстить. Унижая себя, онъ тѣмъ самымъ подзадориваетъ въ баринѣ мысль объ его умственномъ превосходствѣ. Съ точки зрѣнія городского жителя, деревенская жизнь очень проста и незатѣйлива, но если войти въ деревню на равной ногѣ со всѣми ея обитателями, вы увидите, что каждый человекъ, каждый ребенокъ ничуть не менѣе сложенъ, чѣмъ интеллигентный человекъ или городской ребенокъ. У крестьянъ особенный языкъ, особая манера выражаться, но подъ этимъ скрываются глубокія и разнообразныя мысли и чувства: только ихъ не разглядѣть тому, кто лишь на часъ завернетъ по дѣламъ въ деревенскую избу.

Каждый отдѣльный районъ, въ Россіи, и каждая мѣстность въ этомъ районѣ имѣютъ свою мѣстную своеобразную культуру, которая незамѣтна только поверхностному туристу, но поддается внимательному и вдумчивому изученію. Каждая деревня въ этой мѣстности имѣетъ свой культурный матеріаль, на которомъ воспитываются деревенскія поколѣнія. Все въ крестьянской избѣ, всѣ его грошовыя,

на нашъ взглядъ, вещи имѣютъ цѣнность для крестьянина, съ той же самой психологической точки зрѣнія, съ которой намъ дороги медальонъ, гдѣ тонко нарисованъ миниатюрный портретъ нашей бабушки, или вольтеровское кресло прошлаго столѣтія и т. д. Съ каждымъ предметомъ связаны самыя разнообразныя воспоминанія, начало которыхъ пропадаетъ въ туманѣ прошлыхъ лѣтъ. Эти воспоминанія столь же трогательны, какъ и въ старинныхъ дворянскихъ семьяхъ, которыя описаны нашей дворянской литературой; но только для этихъ воспоминаній нѣтъ ни историка, ни писателя, и они хранятся, постепенно тускнѣя, въ полуграмотной памяти народной массы. Этой психологической стороной можно объяснить, почему переселенцы нагромождаютъ на свою телѣгу и везутъ за тридевять земель какія-то дешевыя вещи, ничего не стоящія корыта и пр. Съ ними связаны и радости, и печали, вся жизнь крестьянская, и они стали дороги ихъ владѣльцу.

А между тѣмъ какъ игнорируется постоянно эта мужицкая душа и его чувство! Никогда не забуду одной

тяжелой картины, которую увидѣлъ въ деревнѣ Голиной, Новгородскаго уѣзда, на сборѣ недоимокъ, когда изъ избъ вытаскивались самовары, кули, выводились со двора коровы, телята, а крестьяне кричали становому:

— Оставь корову, она „береженная“! Въ полѣ у меня сѣна много, а ты пріѣхалъ въ распутицу, когда никакой дороги нѣтъ. Подожди денька два, дорога застынетъ, пойдутъ морозы, и я на саняхъ вывезу все сѣно, и продамъ, а теперь до него черезъ лужи и не добраться.

Если обладать силой воли и крѣпкими нервами, то провести день-другой въ крестьянской избѣ еще можно; но вся грязь, духота и вонь, царящія въ ней, начинаютъ понемногу одолѣвать даже самага нетребовательнаго чело-вѣка и рѣшившагося отказаться отъ какого бы то ни было ничтожнаго комфорта. Не только брезгливость, а прямо панической ужасъ охватываетъ посторонняго, когда на второй-третій день, приглядѣвшись къ чуждой сперва крестьянской обстановкѣ, начинаетъ онъ замѣчать всѣ ихъ привычки и самыя обыденныя проявленія ихъ жизни.

Зимою жизнь въ деревнѣ пробуждается не очень рано, крестьяне встаютъ въ 7—8 часовъ и позже. Спятъ всѣ вповалку на нарахъ, на полу или печкѣ, накрывшись тулупами, одѣялами, всѣмъ, что только можетъ оказаться пригоднымъ, такъ какъ комната постепенно остываетъ, и въ ней становится холодно. Утромъ бабы растопляютъ печь тѣмъ, что могло быть насобрано: хворостомъ, щепками, соломой; дрова же слишкомъ дороги. Когда постепенно проснутся и встанутъ взрослые и дѣти, каждый плеснетъ себѣ на лицо немного воды изъ ковшика, затѣмъ помолится усердно и долго передъ образами, и всѣ садятся за столъ обѣдать. Ъдятъ изъ одной миски, и никому въ голову не приходитъ давать обѣдать отдѣльно тому, кто въ семьѣ боленъ, — въ прыщахъ и язвахъ. Братство и общее уваженіе другъ къ другу не позволяютъ кѣмъ-либо гнушаться. Все основано на психологическомъ отношеніи, и про больного изъ своей среды говорятъ одно: „никто какъ Богъ. Наказалъ его Господь, лишилъ носа,—на то Его святая премудрость, всѣ мы подъ однимъ Богомъ ходимъ и сами всего ожидать можемъ“.

Въ зимнее время крестьяне много ходятъ другъ къ другу „погрѣться“, посидѣть и побесѣдовать. Въ ихъ взаимномъ отношеніи замѣтно большое уваженіе и „душевность“, несмотря на наружную грубость, которая со стороны можетъ показаться желаніемъ обидѣть. Оскорбительнымъ считается только внутреннее враждебное отношеніе, хотя бы оно проявлялось въ незначительныхъ выраженіяхъ. У крестьянъ очень сильно развита душевная чуткость и они очень быстро подмѣчаютъ желаніе обидѣть или насмѣяться и долго не могутъ забыть и простить этого. Между собой они относятся съ добродушнымъ юморомъ и большимъ сочувствіемъ къ чужому горю. При всей общеславянской покорности и смиреніи у крестьянъ много самоуваженія и гордости. „Я самъ себѣ господинъ, говорятъ они: я самъ надъ собою баринъ“. Имъ вовсе не нравится, если, обращаясь къ нимъ, назвать ихъ „дяденька“, „братецъ“ или „любезный“. „Мы тоже всякое деликатное обращеніе понимаемъ и знаемъ, — по отчеству насъ не гораздъ бы трудно величать!“

Поживши въ крестьянской средѣ

нѣкоторое время, начинаешь понимать ихъ точку зрѣнія. Незначительное чиновное лицо кажется крестьянамъ недостижимо высокой величиной, и всякое появленіе кокарды въ деревнѣ производитъ сенсацию и волненіе. Каждое слово прибывшаго запоминается и потомъ передается отъ одного къ другому. Народъ цѣнитъ всякое выраженіе вниманія и ласковости со стороны начальствующаго лица: оно разносится немедленно по всей деревнѣ и создаетъ прибывшему „начальству“ массовую симпатію крестьянской среды. „Хорошій у насъ земскій баринъ, внимательный, всякаго выслушаетъ, разспроситъ, вполне хочетъ обо всемъ правду узнать. А вотъ въ сосѣдномъ участкѣ, не приведи Богъ какой баринъ! Ему не смѣй что-либо объяснить, сейчасъ гыркнетъ: „Молчать, не разсуждать, нечего мнѣ зря съ вами болтать! Слушаться, что я приказываю, и кругомъ маршъ!“ Барина, поговорившаго „по душѣ, да похорошему“, крестьяне готовы на рукахъ носить. Строгость вовсе не исключаетъ симпатіи населенія: напротивъ, сѣрый народъ любитъ и очень цѣнитъ строгихъ начальниковъ, если

только строгость связана съ порядкомъ, точностью и твердостью сказанныхъ словъ, и если начальникъ доступенъ просителямъ. Крестьянинъ бываетъ очень тронутъ, когда видитъ, что кто-то безкорыстно заботится о немъ. Къ крестьянамъ постоянно возвращается мысль, что они „отрѣзаны отъ правды“, что всякій можетъ ихъ обидѣть, но гдѣ-то тамъ далеко въ столицѣ живетъ Царь, и если только до Царя дойти, то всякая помощь будетъ. Когда же мужикъ знаетъ, что никто не смѣетъ помыкать имъ, такъ какъ есть у него ближайшій начальникъ, который всегда вникнетъ въ дѣло и заступится, если дѣло право, крестьянинъ уже чувствуетъ бодрость и не видитъ себя беззащитнымъ. А въ виду того, что бѣда можетъ постучаться въ ворота постоянно, доступность мѣстнаго начальства ко всякому просителю болѣе всѣхъ другихъ качествъ вызываетъ симпатіи массы.

Самолюбіе и самоуваженіе крестьянъ, насколько было случаевъ замѣчать, иногда игнорируются тѣми, кто имѣетъ съ ними дѣло. Между тѣмъ, почти 40 лѣтъ свободы, быстро идущее

впередъ общее развитіе государства возродили крестьянина и воспитали въ немъ сознание собственного достоинства и гордость. „Я мужикъ сѣрь, да умъ у меня не чортъ съѣлъ“, говорятъ они.

Народная пѣсня.

Высоко заря восходила,
 Выше лѣсу, выше темнаго,
 Выше садика зеленаго,
 Выше города Саратова.
 Какъ во городѣ Саратовѣ
 Тутъ стояла тюрьма новая,
 Тюрьма нова набѣленная.
 Какъ во этой тюрьмѣ новой
 Тутъ сидѣль же затюремщичекъ,
 Затюремщичекъ молоденькой.
 Онъ по тюремкѣ похаживалъ,
 Изъ окна въ окно поглядывалъ
 Сквозь нѣмецкаго стеколышка
 На свою дальнюю сторонушку,
 На свою любиму жонушку.
 Мнѣ сковали рѣзвы ноженки
 И связали бѣлы рученьки.
 Мы когда тебя. поле, пройдемъ,
 Когда, чистое, прокатимся,
 Горы долы перемаемся,
 Быстры рѣчки переправимся.

Записана въ д. Соколки на Камѣ.

Новая обитель.

Въ глухомъ лѣсу, въ одной сѣверной губерніи, строится монастырь. Среди высокихъ вѣковыхъ елей, на полянѣ, по которой всюду видны свѣжіе срубленные пни, стоятъ нѣсколько одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ и низенькая церковь. Бѣлые клубы дыма поднимаются кверху изъ трубъ и разстилаются въ тихомъ морозномъ воздухѣ. На одномъ домикѣ, надпись— „гостиница“. Вхожу по скрипучей лѣсенкѣ, попадаю въ корридоръ: по сторонамъ нѣсколько дверей, изъ одной выглядываетъ убогаго вида старушка въ чепцѣ, кашляетъ нѣсколько разъ и прячется. Изъ другой двери

съ надписью „гостиникъ“ появляется благообразный мужичекъ въ полушубкѣ и валенкахъ, низко кланяется и отворяетъ одинъ „нумерокъ“. Это—маленькая комнатка, оштукатуренная по свѣжимъ доскамъ. Морозъ въ ней такой же, какъ и на улицѣ, такъ что приходится сидѣть, не раздѣваясь, и поданный чай нужно пить въ рукавицахъ и шубѣ. Гостиникъ уходитъ доложить отцу-настоятелю спросить, когда можно меня принять для бесѣды; черезъ нѣсколько минутъ онъ возвращается и шопотомъ таинственно докладываетъ, что „скоро сами сюда будутъ“. Черезъ немного времени слышатся шаги въ корридорѣ, растворяется дверь и на порогѣ — молодой іеромонахъ, худой, со впалыми щеками и небольшою свѣтлою бородкой. Онъ благословилъ меня и сѣлъ возлѣ стола.

— Я радуюсь возможности увидѣть вашу обитель.

— Наша обитель и невелика, и очень юна: мы начали строиться здѣсь всего года три назадъ. Но это — мѣсто священное: здѣсь нѣкогда стоялъ большой и славный монастырь, много старцевъ подвизалось здѣсь подвигомъ добрымъ.

Но уже лѣтъ сорокъ, какъ монастырь сгорѣлъ до тла, и вся братія его была распределена по другимъ монастырямъ. Мы строимся теперь, стало быть, на священномъ пеплѣ древней обители. А вы знаете, въ чемъ главная идея и отличіе нашего монастыря? Мы не спасаемся и не уходимъ отъ міра, — напротивъ, мы готовимся и набираемся силъ, чтобы идти въ міръ на трудную борьбу.

Отворяется дверь и входитъ еще одинъ монахъ, высокій, черный, съ горящими глазами. Онъ быстро подходитъ ко мнѣ и трясетъ мнѣ руку.

— Здраствуйте, здарствуйте! Я очень радъ знакомиться съ вами. Я — сербъ, черногорецъ, это все едино. Говорите, отецъ Петръ, я васъ не перебиваю.

— Да, борьба и трудная работа въ защиту православія. Вы знаете эту фразу — она стала уже общимъ мѣстомъ — что интеллигенція безмолвно отстранила отъ себя христіанство. Это вѣрно! Но въ силу этого духовенство само отстранилось отъ интеллигенціи. Это уже не правильно. Если мы видимъ челоуѣка больного

или находящагося въ опасности, — то христіанская заповѣдь заставляеть помочь ему и указывать на заблужденія, хотя бы онъ отталкивалъ, билъ и унижалъ насъ. Приѣзжалъ сюда одинъ человекъ, тоже духовнаго званія, и говоритъ:—На вашего настоятеля искушеніе ниспослано, славы захотѣлось, новымъ Златоустомъ думаетъ сдѣлаться. Прежде всего, говоритъ, смиреніе, а остальное отъ Бога. А монастырь вашъ, говоритъ, прогоритъ, потому что вы все не такъ устраиваете, — какъ слѣдуетъ. Заведите одного-двухъ схимниковъ, чтобы къ нимъ купцы приѣзжали, устройте хоръ хорошій, старайтесь привлекать въ монашество лицъ съ большими вкладами, да гостиницу приводите въ благоустроенный видъ, а то она, какъ видите, столь неблаговидна, что въ ней замерзнуть можно. Монастырь, говоритъ, предпріятіе и на него нужно смотрѣть съ коммерческой точки зрѣнія...

— Да, да, — воскликнулъ сербъ, — онъ все это говорилъ! А гдѣ же божественная точка зрѣнія? Гдѣ же остается духъ? гдѣ идея? Вѣдь каждый монастырь долженъ имѣть свою идею, —

какъ чудотворныя иконы — „Утоли моя печали“, „Всѣхъ скорбящихъ радости“, „Неопалимая купина“ — вѣдь это все глубокія идеи!

— Миръ ти благовѣствующему! раздается тихій, добрый голосъ. Въ двѣряхъ стоитъ самъ о. настоятель — худенькій старичекъ съ бѣлой какъ серебро бородою. Что-то очень ласковое чувствуется во всей его фигурѣ, а глаза смотрятъ такъ, точно онъ васъ видитъ насквозь и прекрасно понимаетъ со всѣми вашими душевными движеніями, и прощаетъ вамъ... и жалѣетъ васъ. Невольно съ хорошимъ чувствомъ подходишь подъ благословеніе къ этому старцу и чувствуешь себя передъ нимъ совсѣмъ такъ, точно много лѣтъ назадъ маленькимъ мальчикомъ подходишь утромъ поздороваться къ своему отцу. Архимандритъ садится среди насъ.

— Знаю уже, о чемъ они вамъ говорили, — по его послѣднимъ словамъ догадываюсь. Постоянно они мнѣ все рассказываютъ и души ихъ у меня какъ на ладони. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы удалась и сотая часть того, что мы здѣсь желаемъ и о чемъ толкуемъ

подъ шумъ вѣковаго лѣса. Вѣдь они читають сколько! Сколько выписываютъ, слѣдятъ жадно за быстротекущей жизнью! А здѣсь можно хорошо заниматься, — тишина, лѣсъ кругомъ сосновый, въ ту сторону за 8 верстъ первая деревня, а въ другія стороны пустынные болота идутъ да чаща лѣсная. Никого здѣсь не бываетъ, зайцы только выбѣгаютъ иногда на опушку лѣса и стрѣлой мчатся черезъ поляну, или птичка Божія порой залетитъ, защебечетъ и нарушитъ тѣмъ покой нашей обители.

Начинается рядъ перекрестныхъ вопросовъ. Все видно живо интересуется этихъ „спасающихся“ въ „лѣсной пустыни“, мѣсяцами не видящихъ людей, но ежедневная почта, книги и журналы сохранили въ нихъ нѣкоторую связь со всѣмъ, что живетъ и волнуется „въ міру“. Пользуясь моментомъ, что о. настоятеля вызвалъ какой-то пріѣзжій мужичекъ, о. Петръ говоритъ.

— Батюшка — это нашъ критерій истины. Онъ обладаетъ замѣчательной начитанностью въ духовныхъ книгахъ и при какомъ-либо спорѣ сейчасъ указываетъ отклоненіе отъ истиннаго

православія, приводя цитату изъ Отцовъ Церкви и изъ другихъ рѣдкихъ церковныхъ книгъ. Свѣтское же образованіе ему чуждо; онъ съ юношескихъ лѣтъ былъ сперва послушникомъ, потомъ іеромонахомъ при разныхъ монастыряхъ,—между прочимъ, долго прожилъ въ монастырѣ на Аѳонѣ, и получилъ такое полное духовное образованіе исключительно самостоятельнымъ чтеніемъ.

Разговоръ прерывается полуслѣпымъ звонаремъ, который приходитъ просить благословенія звонить къ обѣднѣ. Начинается богослуженіе.

Въ два часа — обѣдъ монастырскій вмѣстѣ со всею братією. Меня, какъ гостя, сажаютъ на почетное мѣсто, — второе отъ о. настоятеля; первое занимаетъ старенькій о. казначей. Одна миска служитъ на пятерыхъ, и всѣ берутъ изъ нея деревянными ложками, соблюдая почтительную очередь. Ради праздника три блюда:—на первое кисляя щи, на второе—холодная окрошка съ рыбой, на третье—пшенная каша съ подсолнечнымъ масломъ. Для смѣны блюдъ отецъ-настоятель звонитъ въ колоколъ за шнурокъ съ кистью. Все

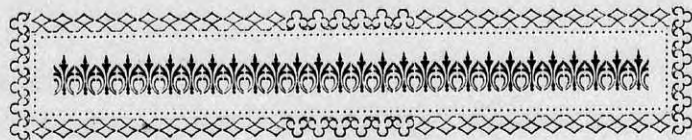
время обѣда одинъ изъ братіи читаетъ изъ Четвы-Миней. Затѣмъ переходимъ въ домикъ о. настоятеля, гдѣ снова начинается бесѣда. Быстро темнѣетъ. Въ комнатахъ пахнетъ воскомъ и кипарисомъ. Въ сумеркахъ видна худенькая фигурка о. настоятеля въ подрясникѣ съ зажженной маленькой восковой свѣчкой въ рукахъ: онъ ходитъ по комнатамъ и достаетъ съ полокъ и изъ шкафовъ старинныя и рѣдкія духовныя книги, которыя собиралъ всю жизнь.

Народная пѣсня.

У вдовушки три дочушки,
 Всѣ бѣлы, хороши.
 Перва Саша, друга Маша,
 Третья дочь Ненила.
 Дочь Ненила прясть лѣнива,
 Бѣла и хороша;
 За ней ходятъ, за ней бродятъ
 Двое рыболова.
 Двое-трое рыболовы,
 Все купцы торговли.
 Они носятъ на подносахъ
 Дороги подарки.
 Дороги таки подарки:
 Кумачъ и китайка.
 Кумачу я не хочу,
 Китайки не нада.
 На базарѣ то ребята
 Жеребья метали:
 Кому шапка, кому деньга,
 Кому красна дѣвка.
 Доставалась красна дѣвка
 Не другу, не брату,
 Лихому супостату.

Записана въ д. Шульин. поч., Малмыж. у.

Около Новгорода.

Волховъ катилъ желтыя, мутныя волны. На длинномъ мосту, томъ самомъ, гдѣ бились въ старину другъ съ другомъ новгородцы, теперь тянулись ломовики, шли гимназисты, дремалъ сторожъ. Съ Ильменя дулъ пронизывающій холодный вѣтеръ.

Съ высокаго берега поднимаются сѣрыя унылыя стѣны древней святой Софіи; металлическій голубъ на крестѣ надъ куполомъ сидитъ по прежнему и не улетѣлъ, несмотря на предсказаніе. Очевидно, хотя давно уже пришелъ конецъ великому Новгороду, голубъ не хочетъ его покинуть и является постояннымъ грустнымъ памятникомъ былого величія.

Внизу подъ мостомъ у берега стоятъ большія рыбацкія лодки, и возлѣ нихъ копошатся мужики въ тулупахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ; они поспѣшно выгружаютъ сѣно. Я спустился къ нимъ.

— Что, молодецъ, смотришь? Аль чего нужно?

— Смотрю я потому, что, думаю, вы завтра къ себѣ домой на озеро поѣдете, такъ не захватите ли меня съ собой?

— Навзеро? Можно, все можно. А куда тебѣ нужно?

— На Войцы.

— Туда теперь нельзя ѣхать. Далеко будетъ. Еще хряснетъ по дорогѣ, лодка и заколѣетъ середь озера. На нашъ берегъ можемъ свезти; а отъ насъ дальше ты, коль хочешь, берегомъ пройдешь?

— Вы откуда?

— Мы Самокрязьскіе, съ Неронова Бору. Приходи завтра утренечко сидеть, мы до свѣту выѣдемъ.

Когда на другой день, рано утромъ я снова пришелъ къ рѣкѣ, по ней съ шумомъ летѣли льдины, вертясь, на скаквивая одна на другую и выширая

на берегъ. Рыбаки вытаскивали лодки на берегъ, отвязывали веревки, складывали весла.

— Видишь, молодецъ хорошій, лодкамъ здѣсь нужно буде перезимовать. На озерѣ хряснуло, ледъ пошелъ, вода густая теперь и вѣтеръ густой, уже лодкамъ не пройти. Мы пробовали пробиться, за мостъ выѣхали; бились, бились и назадъ прибились. Тугая работа на водѣ, коневня. Мужикъ изъ деревни у насъ пріѣхалъ на базаръ, онъ тебя свезетъ, коли хочешь. Все одно ему домой порожнемъ ѣхать. До темковъ доѣдете.

Я отыскалъ на базарѣ, среди ряда телѣгъ, самокрязьскаго мужика. Его сивая лошадь съ длинной мохнатой шерстью очень неохотно вывезла телѣгу съ базара и то шагомъ, то трусцой потащила за городъ. Мужикъ, который сидѣлъ со мной въ телѣгѣ, Василій Ивановичъ, очень степенно держался, старался выпытать у меня какія-либо заднія мысли, расспрашивалъ про мою родину и самъ рассказывалъ обо всемъ.

— Мѣсто у насъ напольное, лѣсу нѣтъ совсѣмъ. Бѣда намъ безъ дерева; достаемъ его иззавзера. А деревенъ у

насъ много, сѣли, поди, шестьдесятъ на версту.

Кругомъ была сѣрая равнина, по которой разбросаны убогія деревеньки. Нигдѣ не видно ни деревца. Кое-гдѣ въ канавкахъ обнаженные кусты. Только на берегу Волхова виднѣлась старая роща и посреди нея блестяли золотые купола Юрьевского монастыря.

— Сколько лѣтъ уже какъ вызолочены, а до сихъ поръ какъ жаръ горятъ. Богатый монастырь, сказывали: ночью цѣлые обозы хлѣба сюда привозятъ. И купцы московскіе вклады стотысячные дѣлаютъ. А вотъ тамъ на косѣ, гдѣ Волховъ поворачивается, тамъ скитъ старцевъ. Живутъ старенькіе монахи. Весной, когда Волховъ подыметъ, вода окружитъ этотъ скитъ и какъ островокъ онъ на Волховѣ виднѣется. У старцевъ съ собой хлѣбъ есть, и покуда Волховъ не спадетъ, они на островкѣ и спасаются.

Мы ѣхали полемъ сѣрымъ, замерзшимъ, при непрекращающемся вѣтрѣ съ озера. Насъ нагоняли мужики, возвращавшіеся изъ города, мы присоединялись къ ѣхавшимъ впереди, но всѣ постепенно сворачивали въ свои деревни,

и мы съ Василиемъ Ивановичемъ остались вдвоемъ, когда подѣзжали къ деревнѣ. Темнѣть начинало. Сивая остановилась у одной изъ крайнихъ избъ. Въ окошко смотрѣли ребятишки. Вѣтеръ дулъ непереставая; шумѣла солома на крышѣ. Было холодно и неуютно, деревня маленькая, въ открытомъ полѣ. Хотѣлось скорѣе въ избу, согрѣться, выпить чаю. Мы прошли сквозь узенькую дверь въ сѣни, попали затѣмъ въ хлѣвъ, поднялись по скрипучей лѣстницѣ на сажень высоты, гдѣ находилось жилое помѣщеніе, въ полумракѣ по шаткимъ доскамъ подошли къ обшитой тряпками и паклей двери, я съ трудомъ распахнулъ, и мы вошли въ теплую, парную комнату съ низенькимъ закоптѣлымъ потолкомъ. Пахло ржанымъ хлѣбомъ, чѣмъ-то паренымъ и кожей. Василій Ивановичъ сталъ долго креститься на старыя образа въ переднемъ углу. Съ печки слѣзъ маленькій карапузъ въ одной красной рубашкѣ и валенкахъ.

— По штанамъ видно, что солдатъ. Я въ городѣ солдатъ видѣлъ.

— А что ты еще въ городѣ видѣлъ?

— Горшки видѣлъ, шолковое пальто

видѣлъ, въ трактирѣ былъ, тамъ намъ баринъ чай подавалъ.

— Откуда ты этого человѣка взялъ, спрашиваетъ шопотомъ баба.

— Нашимъ на рѣкѣ встрѣтился, хочеть деревни посмотреть. Кто его знаетъ, кто онъ такой.

Василій Ивановичъ съ семьей сѣли обѣдать, пригласили и меня поѣсть ихъ хряпу, пирожка съ творогомъ и штей со свининкой. Хозяинъ и всѣ мы за нимъ долго крестились на иконы передъ обѣдомъ и послѣ обѣда.

Растворилась дверь и вошла сморщенная, подслѣповатая старушка, закутанная въ тряпье, съ котомкой за плечами. Съ трудомъ стащила заплатанныя рукавицы съ онѣмѣлыхъ рукъ, долго крестилась, затѣмъ устала спокойно взглянуть въ землю, опершись на палку. Хозяйка отрѣзала ломоть хлѣба и подала ей.

— Не хочешь ли штей?

— А какія они?

— Какія? Скажи спасибо, что даютъ. Вѣстимо, не пустыя, а съ мясомъ.

— Нѣтъ я скоромнаго не ѣмъ.

— Вишь ты какая! А моя бабка

такъ до девятого десятка все скромное ѣла. Какъ исповѣдываться пришлось, она и говоритъ попу, что ѣмъ мясное. Нехорошо, говоритъ попъ; а какъ назадъ домой пріѣхала, такъ и опять захлебала.

Помолчала старушка и говоритъ:

— Дрова дороги. Набрала кабы я на четыре съ полтиной, купила бы дровъ, да и сидѣла бы въ избѣ барыней. А то холодно теперь по избы. Ну я пойду. Дыры нѣтъ въ полу?

— Ступай, бабка, съ Богомъ, не бойся, держись только съ краю.

Ушла старушка, хозяйка мнѣ объясняетъ:

— Христомъ она побирается. Дочь у ей пригулокъ, вовсе убогая, глупая. Сама то здоровенная, сырая, годовъ 30, лежитъ на печи и боится, что съ печи упадетъ. Такъ всю ночь керосинъ горитъ, а matka съ краю сидитъ и стережетъ,—жалко родное дитя.

Вошли два мужика, покрестились, поглядывая на меня, и сѣли на лавку.

— Погодка то сдымается, сказалъ одинъ.

— Кузьма валенки купилъ, сказалъ другой, и оба замолчали.

— А ты что за человекъ будешь? Ты не на пузыри прилетѣлъ?

— Какъ на пузырь?

— Откуда же ты взялся? У насъ одинъ на пузырь съ неба свалился, такъ и ты должно быть тоже. Дѣло было такъ. Стояли мы съ лодкамъ на желязни. Вдругъ, видимъ не то облако, не то пузырь летитъ по небу отъ Новагорода. Летилъ онъ ровно и вдругъ сдохнулъ къ низу. Потомъ опять сдвинулся къ небу, потомъ такъ и сталъ вилять, то сдынется къ небу, то опустится, то сдынется, то сдохнетъ. На ѣмъ нѣмецъ летилъ и сказывалъ потомъ, что его здорово тогда потрепало и затылокъ расшибло. Какъ мы увидѣли пузырь, такъ и бѣгимъ къ нему. Тимоѣей схватилъ за веревку, что съ пузыря по землѣ волочилась,—какъ сдвинуло его къ небу сажень на пять печатныхъ, тото натрясся тогда. Мы всѣ за веревку хватались, чтобы пузырь въ озеро не унесло. А на тотъ случай, если въ воду попадетъ, у нѣмца жилеть пробковый одѣтъ былъ. говорить, что и утонуть въ ѣмъ не могъ бы. Мы бросились ловить пузырь, а ѣнъ уже яко ремъ зацѣпился, а мы схватили веревку

и подсобли. Сперва нѣмецъ не подпускалъ насъ къ пузырю, изъ него духъ зловредный исходитъ и насъ удавить могъ. Нѣмецъ только указывалъ намъ, за что хвататься. А пузырь, что живой, лежитъ, шелыхается и ворочается; изъ клеенки сдѣланъ такой, склизкой, но крѣпкой. Сверху на немъ что кошель изъ веревочекъ сдѣланъ, маленьки таки гонталочки, а что къ низу потолще костелюшки, а внизу совсѣмъ веревки крѣпкія, и кольцо съ форточкой, откуда духъ выходитъ.

Мужики спрашивали меня про Питеръ, про правительствующій сенатъ, про святѣйшій синодъ. Когда они ушли и хозяева съ ребятами стали укладываться спать, я легъ на лавку подъ образами, сумку положилъ подъ голову, укрылся своимъ полушубкомъ и долго не могъ заснуть. Хозяинъ потушилъ керосиновую лампу, и кряхтя взобрался на печь.

Въ избѣ затихло. Слышно было дыханье спящей семьи. За окномъ пѣлъ вѣтеръ. Рядомъ за стѣной лошадь переступала копытами по доскамъ и фыркала.

Народная пѣсня.

Въ первомъ садѣ огородѣ

Ростетъ земляничка:

Не за то ли меня любятъ,
Что я не величка?

Въ другомъ садѣ огородѣ

Ростетъ трава лебеда:

Не за то ли меня любятъ,
Что я молода?

Въ третьемъ садѣ огородѣ

Ростетъ трава мята:

Не за то ли меня любятъ,
Что я не богата?

Записана въ д. Ныша, Малмыж. у.

Преданья.

Тянется длинный ноябрьскій вечеръ. Я сижу за столомъ въ натопленной избѣ одного изъ Ильменскихъ рыбаковъ и просматриваю записанныя у стариковъ пѣсни. Жестяная керосиновая лампа виситъ на перекладинѣ низкаго потолка и слабо освѣщаетъ внутренность избы. Въ переднемъ углу стоитъ маленькая чугунная печка на ножкахъ, она сильно раскалена и сквозь многочисленныя ея трещины и скрѣпы трубы, грубо замазанныя глиной, струйками выходитъ голубой дымъ и подъ потолкомъ нависаетъ въ облачко. Отъ оконъ и отовсюду изъ щелей дуетъ холодомъ.

Въ комнатѣ тихо. Ребятишки молча сидятъ на полупередъ печкой и поправляютъ кочергой огонь. Хозяйка прядетъ нитки для сѣтей. На печи лежитъ старый дѣдъ Яша; онъ бормочетъ изрѣдка и вздыхаетъ. Тишину нарушаетъ поскрипыванье прялки, трескъ сухихъ головешекъ въ печи да монотонное завыванье озерного вѣтра за стѣной, отъ порывовъ котораго дребезжитъ маленькое окошко. Снаружи хлопнула дверь, слышались голоса, за скрипѣли ступеньки въ сѣняхъ и въ избу ввалили нѣсколько парней и мальчишекъ. Всѣ они степенно помолвились на образа, поздоровались съ хозяйкой и чинно усѣлись на лавкахъ. Уставились они молча на меня и одинъ заявилъ:

— Пришли посмотрѣть на тебя. Сказывали, какой то чудородецъ объявился, пѣсни записываетъ.

— Да, записываю. Жаль только, что вы старинныя, протяжныя пѣсни перезабыли, поете только частушки да тѣ, что прочли въ пѣсенникахъ. Старики сбиваются на пѣсняхъ, начало еще знаютъ, а конецъ уже своими словами расскажутъ. Вотъ и про старину да

про разныя чудныя дѣла тоже мало кто помнитъ.

— Да оно конечно, всего нельзя знать.

— Ну, а теперь бываютъ ли у васъ на озерѣ странные случаи? Я слышалъ недавно такой рассказъ, — сталъ читать изъ записной книжки, думая подобрать кого-либо изъ парней рассказать чтонибудь подобное. — Съ вашими же ловцами на озерѣ это приключилось.

„Въ Вишерѣ мы ловили рыбу. Поймали ее много, пудовъ 30 однихъ щукъ буди. Вдругъ сдѣлалось холодно, а мы и потянули неводъ; да вдругъ вытащили что-то тяжелое, черное: такъ и ворочается, а отъ него холодъ. А еще прежде въ лѣсу что-то откликивалось, ажно насъ страхъ взялъ. Мы, вишь ты, какъ его вытащили, такъ всѣ и убѣжали на гору (берегъ), да ну креститься.

„Одинъ догадался, накинулъ на него петлю, что на щукъ накидывается. Съ полъ часа лежалъ онъ на землѣ, а какъ только солнце стало подыматься, онъ давай поворачиваться, да окунываться, да съ бродцомъ въ воду влѣзъ и ушелъ“.

— Да, на все дѣла Господни. Кто ихъ знае, може и правда, — вздохнула хозяйка. Вотъ, говорятъ, въ Юрьевской слободы, тамъ гдѣ эти главы на монастыри лоснучія, — тамъ каждый годъ весной человекъ тонетъ, либо два. Такъ передъ этимъ временемъ непременно какимъ-нибудь преставленіемъ представится: либо кто будто плачемъ плачетъ, стонетъ, и громко такъ слышно, — либо что. Все дѣла Божіи.

— Одинъ мужикъ сказывалъ, подхватилъ парень. Ловили мы на озерѣ. Много лодокъ было тогдысь, да не ловилось вовсе, хоть что либо попади. Одинъ и говори: это озерикъ въ карты рыбу проигралъ. Вдругъ какъ заходитъ волна большая, какъ послѣ парохода, и подняла наши лодки, и запружило насъ кверху ногамъ. Чуть удержались, а то въ воду кувырнулись бы.

— Говорятъ, озерики изъ разныхъ озеръ играютъ другъ съ дружкой въ карты и проигрываютъ то мелкую рыбу, то сига, то раковъ, то что. Прошлымъ лѣтомъ нашъ озерикъ выигралъ крупную рыбу, хорошая была. А кто готовилъ снасти на мелкую, для снятовъ, и вовсе ничего не собралъ.

Раньше у насъ на озерѣ много раковъ было, столько, что въ Волховѣ кучами на берегъ лѣзли, а потомъ года два пропали совсѣмъ. И вотъ только недавно стали проявляться опять, но только всѣ порченныя: либо безъ лапъ, либо съ одной только клешней, либо маленькіе и мягкіе. Просто ни одного степеннаго рака. Это озерика шутки.

— А видѣлъ ли кто изъ васъ озерика?

— Разъ одинъ мужикъ нашъ видѣлъ. Лежалъ онъ въ каютѣ, въ баркѣ, значить, съ дровамъ, и видитъ наверху на палубѣ сидитъ человекъ голый и волосы чешетъ. Онъ бросъ въ него плахой (полѣномъ), да не долетило. А тотъ булдыхнется воду, — только пузыри и пѣна пошли.

— Другіе мальчишки и ребята сами представляются. Раздѣнутся и голые сядутъ въ лиманѣ да болтаются и плещутся въ водѣ, быдто лиманики, а бабы тамъ, дѣвки идутъ мимо и боятся.

Въ это время надъ печью показалась голова дѣда Яши, морщинистаго старика съ длинной сѣдой бородой.

— Слышу я, что вы про чудеса рассказываете. Какія это чудеса! Вотъ

было время, такъ я самъ своими глазами дѣла дивныя видѣлъ. Да нынче стариковъ не слушаютъ. Нынче стариковъ мѣняютъ на быковъ, а старушекъ на тялушекъ. Ну, да я хоть и дѣдка, да вздыхаю рѣдко.

— Полно, полно, обратилась къ нему хозяйка. Завель свою балаболку, — когда то кончитъ? Расскажи лучше про старину, если знаешь.

— Сами вы балаболки, зря болтаете. Сегодня утромъ проучилъ я на кладбищѣ бабъ вашихъ. Пришли онѣ къ могиламъ и начали голосить:

„Разступись мать сыра земля, подымись гробова доска, вы раскройте очи зоркіе, вы проговорите уста сахарныя, размахнитесь ручки бѣлыя“, А я имъ: „Цыцъ, окаянныя, а если бы гробова доска поднялась и ёнъ впрямъ вышелъ, такъ небось всѣхъ бы разогналъ, никто бы не остался!“ Тутъ они и перестали голосомъ плакать и тихохонько маршь—маршь домой.

— Да полно тебѣ! Расскажи про старину лучше. Видишь чужаку скучно и хочетъ онъ про старину послушать.

— Ну такъ слушай. Давно это было, когда у насъ на деревнѣ солдаты

постоемъ стояли. Былъ у солдатъ капральный, Холудѣевъ. Здоровенный такой, носъ толстый и красный и голосъ какъ изъ погреба. И говорили всѣ у насъ, что Холудѣевъ молодецъ, ничего не боится и все сумѣетъ сдѣлать. Былъ у насъ Рябовъ, ватаманъ, дивный человекъ; какъ онъ рыбу заганивалъ, — никто понять не могъ. Выѣдетъ ночью, поѣздитъ по озеру, вѣтеръ и воду испытаетъ, да съ озериками потолкуетъ. А потомъ поведетъ свою ватагу въ свое найденное мѣсто, — лови ребята сразу на тысячу! И, Боже мой, уловы то были тогда; не то что нынче! Былъ, значить, Рябовъ первый человекъ въ деревнѣ, за нимъ какъ за собакой всѣ гонялись, и стало ему за досаду, что Холудѣева всѣ хвалятъ, быдто онъ все можетъ. Стали биться они объ закладъ, — кто ловчѣе? И вотъ что сдѣлали. Пришли въ избу Рябова и спросили у хозяйки два кочана капусты. Принесла хозяйка совсѣмъ ровные и бѣлые. Съели тогда оба на лавку верхомъ, спиной другъ къ другѣ, и стали давить руками каждый свой кочанъ. Прошло времячко и видимъ, — у солдата и у ватамана стали краснѣть

кочаны въ рукахъ и сдѣлались алые какъ кровь. Вотъ были молодцы! „Ровно вышло, говоритъ Холудѣевъ, давай теперь мѣряться обратно“. Съели они опять и вышло въ разницу: у Холудѣева по прежнему кочанъ сдѣлался бѣлый, какъ снѣгъ, а Рябовъ, какъ ни бился, изъ краснаго обратно въ бѣлый сдѣлать не смогъ. „Пересилилъ, говоритъ, ты меня служивый, твоя взяла“. И закопалъ онъ свой кочанъ въ землю, — какъ нечистый, стало быть. А Холудѣевъ накрошилъ свой кочанъ и хозяйкѣ къ котелъ всыпалъ, да и испортилъ ее этимъ: стало у нея сердце гнилое, что уголь, а сама стала черная, старая и страшная. Затаилъ Рябовъ гнѣвъ на Холудѣева, поймалъ онъ разъ его за околицей пьянаго, повѣсилъ его за лытки въ своемъ амбарѣ, зажегъ подъ нимъ мокрая головешки да и копатилъ его, копатилъ! — „Не за то, говоритъ, копачу тебя, что ты сильнѣе былъ меня, а за то, что хозяйку мою испортилъ. Была баба сдобная, сырая и толстая, а стала сухая, никуда больше на годится“. Вотъ какъ оно было въ наше время!

— А какъ вѣнчали у васъ въ старину. Говорятъ, что иначе.

— А вѣнчали у насъ прежде не то что нынче. Теперь вези себѣ невѣсту откуда хошь, изъ-за озера ли, или откуда. А прежде ино было: какую тебѣ невѣсту даетъ баринъ, ту и бери, хошь ли, или не хошь. Ты и не знаешь заранѣе судьбы своей, она у барина и у бурмистра въ рукахъ была.

— Такъ и ты, дѣдка Яша, поди, такимъ же манеромъ женился?

— Когда я женился, я не зналъ еще, съ которого боку цѣловаться. Вотъ что! Я еще молодой былъ тогда. Ъхать нужно къ вѣнцу, а я палець во рту держу и стою посередь избы. „Ты бы - отъ носъ - то вытерь, вѣдь, поди, вѣнчаться ѣдешь“, говоритъ отецъ. А я вотъ рукавомъ вытерь, да и поѣхали мы. А попъ у насъ строгій былъ, Алексій, еще до отца Ивана, передъ отцомъ Василиемъ. Посадилъ онъ меня въ своей комнатѣ. „Сиди, говоритъ, на стулѣ и пуще всего не подходи къ окошку, а не то испортятъ тебя. Какъ къ „Достойно“ колоколь ударить, ты уже не бойся болѣ, не подѣйствуетъ“. Сидѣлъ я, сидѣлъ, скучно уже стало, думаю, пойду къ простѣночку и выгляну въ окно, кто это на меня хочетъ

порчу навести. Но тутъ какъ разъ къ „Достойно“ зазвонили, и это спасло меня, а не то быть бы мнѣ звѣремъ. Теперь уже, значитъ, всякую порчу смело,— подошелъ къ окну и вижу двѣ бабы старыя, Комлиха да Паша Хлызиха, бѣгутъ, что есть духу, прочь по дорогѣ и на ту сторону рѣки на лодкѣ переѣхали. Послѣ обѣдни насъ вѣнчать нужно было, попъ и говоритъ мнѣ: — Открой Яковъ покрывало, покажи мнѣ свою невѣсту.

А попъ у насъ задранный былъ, не смѣй ему перечить. Да и я тоже плепорцію знаю.

— Нѣтъ, говорю, батюшка. Мнѣ она еще не передана. Пусть отецъ вамъ ее показываетъ!—Тестъ мой и раскрылъ невѣсту батюшкѣ.

— Молоденькую ты берешь, сказалъ отецъ Алексій: вотъ я тебя за это заповѣди спрошу, знаешь ли ихъ? Смутился я,—при народѣ то, въ церкви, неравно и собьешься заповѣди говорить. Отслужилъ попъ вѣнчанье, все какъ слѣдъ быть по чину, а заповѣди и забылъ спросить. Сѣли мы въ телѣжку, только тронулись, анъ отецъ Алексій и кричить:

— Стойте, не все по чину сдѣлали, назадъ! Слѣзли мы, вошли опять въ церковь:

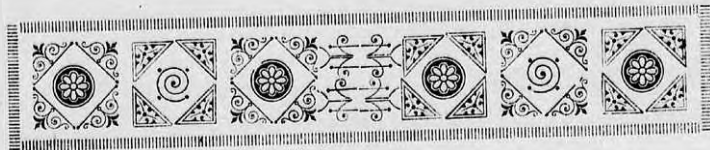
— Одно то вы забыли сдѣлать въ церкви: поцѣлуйте-ка! Я не помню, куда поцѣловалъ невѣсту, поди, въ за-тылокъ!

Народная пѣсня.

Въ лѣсъ по ягоды ходила,
Чернаго жука нашла —
Со руками и съ ногами,
И съ курчавой головой —
Настоящій милый мой.
Завяжу жучка въ платочекъ,
Понесу его домой
Родной мамѣ показать.
Родна тетка увидала,
Разворчалась надо мной,
Чтобъ я кинула въ окно.
Я не сдѣлаю того,
Брошу жучка подъ кровать.
Темной ноченькой не спится,
Жукъ покою не даетъ,
На бѣлую грудь ползеть.

Записана въ д. Алька, Малмыж. у.

Мужикъ волкъ.

Крестьянинъ въ селѣ Голино, на берегу озера Ильменя, рассказывалъ мнѣ о томъ, что на свадьбѣ часто людей портятъ.

— Развѣ это случается? говорю я: это вѣдь такъ зря болтаютъ.

— Случается ли? И теперь это бываетъ. Если захочетъ кто,—такъ очень легко испортить можно. Навести порчу легко, а вотъ снять порчу трудно. Я видѣлъ въ Михайловскомъ Погостѣ, Псковской губерніи, лѣтъ 20 назадъ, или 15, шелъ парень молодой черезъ деревню, — самъ онъ изъ Москвы родомъ былъ,—а за нимъ цѣлая свадьба волчья, штукъ 10 ихъ всѣхъ было.

Смирные волки, что овцы, такъ за нимъ и шли, а парень собакъ палкой отгонялъ. Это, значить, цѣлая свадьба была испорчена, женихъ, невѣста и дружки. На всѣхъ порчу навели поганые и въ волковъ обратили.

А то и такой случай былъ. Мужикъ мнѣ рассказывалъ, знаю его очень хорошо, врать не станетъ. Да и въ деревнѣ всѣ тоже эту исторію видѣли. Женился этотъ парень, а мать евоная не хотѣла этого, злющая была и не могла перенести, чтобы въ домъ невѣстку пустить. Рѣшилась она невѣстку спакостить и поставила на столѣ кружку квасу для нея, чтобы ее, значить, спортить. Но какъ отъ свадьбы вернулись, не зная этого, сынъ то вмѣсто невѣстки и выпилъ квасъ. Стало ему душно, тѣло зудить, вышелъ онъ на улицу, завернулъ за пуню и раздѣлся. Видитъ—по всему тѣлу у него шерсть пошла. Волкомъ онъ оборотился. Собака за нимъ шла, дворовая была, зарычала на него, залаяла, видно уже перестала узнавать, онъ испугался и убегъ въ поле. Тоска его взяла, да чтожъ дѣлать, поселился въ лѣсахъ, сталъ воспитываться кореньями и падалью. Помнить,

какова на вкусъ падалъ: точно пареное мясо, говорить, или перевареное. Тосковалъ по своей деревнѣ онъ, подбѣгалъ къ задворкамъ, мужики увидятъ, — цѣпами выгонятъ. Собаки бросаются за нимъ слѣдомъ. Пригорюнится онъ и уйдетъ. Стошнѣла ему эта жизнь. Уже на охотниковъ онъ самъ бросался, — убили бы лучше, думалъ, такъ одинъ конецъ. Но увидитъ человѣка, и радостно, и страшно станетъ. Онъ схоронится отъ него въ кусты. И много такъ лѣтъ прошло. На его глазахъ мальчишки мужиками стали, дѣвчонки уже сами ребятишекъ позаводили. Разъ на Воздвиженье день былъ жаркой. Зачесалась спина у волка, сталъ онъ валятцать, побѣжалъ къ рѣкѣ, воды напился, опять сталъ валятцать и весь мохъ съ него сошелъ. Остался онъ голый, какъ мать родила, и пошелъ къ байнѣ и спрятался въ ней. А ребятишки замѣтили его и начали кричать:

— Морушка коровья вошла въ байню!

Въ это время повѣтерье было на скотину, много ея пало; такъ мужики и повѣрили, что это морушка явилась. Побѣжали съ кольями къ байнѣ, придушить хотѣли, сотскій только и унялъ

ихъ, — можетъ и впрямь человѣкъ несчастный, сказалъ онъ. Снялъ съ себя кафтанъ и одѣлъ на голаго. А тотъ хочетъ сказать, а чувства нѣтъ говорить. „Братцы, говорить только, братцы, я вашъ“. „Ну покажи избу свою, если ты нашъ“, спрашиваетъ сотскій. Взяли его подъ руки и повели. Остановился онъ передъ своей избой и рукой указываетъ, здѣсь значитъ. Ввели въ избу, отецъ его старикъ сидитъ. „Да, говорить, пропалъ у меня сынъ послѣ свадьбы, 20 лѣтъ назадъ, но вѣдь сотолько лѣтъ! Я и не помню его“. А мать евоная лежала въ клѣти — съ тѣхъ поръ какъ испортила сына своего, гортань у ней выдернулась и слова она лишилась. Какъ увидѣла своего сына, — всю ее и передернуло. „Признала, вѣрно“, рѣшили мужики, и стали у нихъ старики припоминать, что и въ самомъ дѣлѣ давно уже пропалъ у нихъ человѣкъ. Явился урядникъ и приказалъ давать по полфунта хлѣба въ день ѣсть, но не больше, а то съ непривычки бы не выдержалъ. Черезъ 3 дня болтать началъ языкомъ. Священникъ его исповѣдовалъ. Скопились потомъ священникъ и становой, и по-

вель ихъ нашъ мужикъ за околицу, гдѣ его шкура лежала. Стали изслѣдовать и нашли, что не шерсть на ней была, а мохъ и на шеѣ крестъ мѣдный, на веревочкѣ, даже полоска осталась, гдѣ мохъ протерло. Долго послѣ этого, говоритъ, понималъ онъ, что волки воютъ, всякую ихъ рѣчь постигалъ.

А это все правда, мужикъ и до сихъ поръ живъ, у сестры своей вдовой проживаетъ, въ деревнѣ Жарахъ, по Петербургской дорогѣ. Я сколько разъ съ нимъ чай пилъ вмѣстѣ. Только слѣдъ у него остался на щекѣ—такъ съ мѣдныхъ два пятака мохъ растеть у него на лицѣ до сихъ поръ, не могъ вывести.

Народная пѣсня.

Сострой, батюшка, сострой новый
теремокъ!
Свѣтикъ мой аленькій, розовый,
малиновый!
Проруби ко, батюшка, три окна
косячатя!
Перво то окошечко на большу
дороженьку,
Другое то окошечко во зеленые лужки,
Третье то окошечко на сине морюшко.
По синему морюшку кораблики плавали,
Кораблики плавали не съ простыми
товарами,—
Съ купцами и съ боярами.

Записана въ д. Козынево, Елаб. у.

Сомнѣнія.

Въ Кузнеркѣ, сосѣдней деревнѣ отъ Старога Мултана, остановился я въ избѣ, имѣвшей вывѣску „въѣзжая квартира“, и прожилъ нѣсколько дней въ обществѣ двухъ очень богомольныхъ бабъ и старика. Они были услужливы, но относились съ крайнимъ недовѣріемъ ко мнѣ, не понимая, что мнѣ нужно въ ихъ деревнѣ. Я не говорилъ, что изъ Петербурга, такъ какъ убѣдился, что одно это слово производитъ паническое впечатлѣніе, а увѣрялъ, что изъ Москвы и ѣзжу записывать пѣсни и сказки. Собрать пѣсни и сказки казалось всѣмъ въ деревнѣ не только легкомысленнымъ, но и грѣшнымъ дѣломъ,

а также имѣющимъ въ себѣ какой-то коварный задній умыселъ.

— Смотри, — говорили окружающіе той бабѣ, которая рѣшилась рассказывать мнѣ пѣсни, — теперь онъ спишетъ у тебя всѣ пѣсни, а потомъ, какъ поѣдетъ онъ прочь, такъ побѣжишь сзади за телѣгой, возьми, дескать, деньги назадъ, только пѣсни отдай. Память у тебя отшибетъ на пѣсни, ни одной больше не вспомнишь, а деньги его руки тебѣ жечь будутъ.

Въ этой деревнѣ я чувствовалъ сильное недовѣріе къ себѣ со стороны мужиковъ и долго не могъ понять, чѣмъ оно вызвано. Сижу разъ въ избѣ у окна и слышу снаружи разговоръ. Двѣ бабы, односельчанки, проходившія мимо, спрашиваютъ мою хозяйку, которая грѣлась на завалинкѣ.

— Ну что вашъ чудородецъ дѣлаетъ?

— Сидитъ за столомъ и въ книгу глядитъ. Книга-то махонька, но больно боязно было заглянуть.

— А поди въ подпольѣ запирался?

— Нѣтъ, на чтожь ему туда?

— Да вѣдь онъ, вѣрно, деньгодѣль, деньги у него больно дешевыя. Вѣрно,

лазить въ подполье и тамъ ихъ ра-
ботаешь.

— Нѣтъ, родная. Онъ должно быть
купецкій сынокъ, сбѣжалъ съ тятки-
ными деньгами, да и мотаешь ихъ
здѣсь на сказки и бѣсовскія пѣсни.

— Нѣтъ, мои голубушки. Знаете, кто
это? И сказать-то мнѣ боязно. Ужъ
такъ мнѣ страшно, что онъ въ моей
избѣ стоитъ, такъ страшно, что опога-
нилась я уже. Да какъ ему откажешь!
Выгонишь вонъ, такъ подожжетъ еще,
пожалуй.

— Да кто же это, не томи, Пела-
геюшка!

— Милостыню онъ подаетъ, оно вѣр-
но, да вы видѣли, какъ онъ подаетъ-то?
Вѣдь, онъ „Христа ради“ не приговари-
ваетъ при этомъ и не крестится.

— Господи Иисусе Христе, страсти
какія! Такъ ты думаешь, что же это
будетъ?

— А, голубушка, родная, скажи мнѣ,
какой у насъ годъ нынче: 99-й? — Въ
январѣ, стало-быть, и вѣку этому ко-
нецъ? А что передъ концомъ вѣка
будетъ?

— Антихристъ!

— Нѣтъ, голубушка, не сразу анти-

христъ, а работники антихристовы;
они пойдутъ народъ смущать, да во
антихристово стадо совращать, а тамъ
уже и самъ Ермошка придетъ.

Бабы сейчасъ же ушли сообщить
новость по деревнѣ, а хозяйка вер-
нулась въ избу, косясь на меня, и сѣла
въ углу на лавку; я тотчасъ сказалъ,
что слышалъ разговоръ, и счелъ нуж-
нымъ для ея успокоенія показать, что
на мнѣ одѣтъ крестъ, и сказалъ ей
„Отче нашъ“. Тогда хозяйка совсѣмъ
уже повѣрила и въ знакъ успокоенія
просила написать письмо ея сыну сол-
дату.

— А я то тряслась, тряслась. Думала,
что-то будетъ? Ты чужакъ тихій, да я
думала, что работники лукавые лов-
кимъ манеромъ въ душу влѣзутъ. А
стала я думать такъ вотъ съ чего.
Проходила баба черезъ деревню, шла
она изъ Малмыжа города, и говоритъ
мнѣ, что скоро такой законъ выйдеть:
засыпятъ всѣ рѣки и колодцы, а по-
надѣлаютъ фонталы, изъ которыхъ бу-
детъ казенная вода течь и положить
на эти фонталы оброкъ. Кто уплатилъ
пошлину, той бабѣ на коромысло клеймо
прижгутъ. Ужъ я то и плакать соби-

ралась, право! Думаю, возьму каравай хлѣба и убѣгу въ лѣсъ, а клеймо не позволю ставить. Это-то и есть печать антихристова, думаю. Проживу въ лѣсу, покуда хлѣбъ будетъ, а тамъ лучше съ голоду помру, чѣмъ антихристу передамся.

Народная пѣсня.

Торги торговали,
Свинцу пороху закупали,
Въ стѣны каменны паляли,
Стѣну каменну не прошибли,
Красну дѣвицу въ полонъ взяли.
Ко Румянцеву подводили, —
Графъ Румянцевъ сдивовался,
Красотѣ ея любовался.
Хороша дѣвица румяна,
По нѣмецкому избранью,
На ей шубейка шолковая,
Въ косѣ ленточка голубая.
—Мы пойдѣмъ во Русей замужъ
За любимаго моего сына
За Ивановича Ивана,
За русейскаго енарала.
Красна дѣвица испугалась,
Со Румянцевымъ соглашалась.
Вы пожалуйте листь гумажки,
Изъ кармашекъ карандашекъ.
Начала дѣвица писать,
Королю письма отсылать,
Чтобы ѣхалъ король на свадьбу.

Записана въ д. Рахотно, Малмыж. у.

Вотяки.

Высокій вѣковой лѣсъ кончался и сквозь деревья вдали видны были какія-то строенія; но русская ли это была деревня или вотяцкая, — я не зналъ. Кругомъ меня тѣсными рядами стояли громадныя мачтовые ели безъ вѣтвей съ кудрявыми метелками на вершинахъ. Между ними густо росли мелкія деревья и кусты и валялось множество старыхъ гніющихъ поломанныхъ стволовъ. Было тихо, только пчелы жужжали надъ бѣлыми пышными цвѣтами донника и въ лѣсу перекликались звонки пасущагося стада. Я пошелъ осторожно впередъ и очутился передъ можжевеловой изгородью, за

которой тянулся громадный пчельникъ въ сотни двѣ ульевъ. Долбленныя колоды, больше сажени въ вышину, стояли въ перемѣжку съ небольшими деревцами яблонь и вишенъ и на каждой колодѣ сверху ярко бѣлѣлъ большой лошадиный черепъ, вымытый дождями. Посреди пчельника пряталась подъ прислоненными къ ней новыми ульями низенькая избушка. На конькѣ крыши прибиты сучья и корни, причудливо изогнутые, какъ змѣи. Это былъ вотяцкій пчельникъ. Старикъ - вотякъ въ войлочномъ колпакѣ, съ сѣдой бородкой клиномъ, съ прищуренными глазами медленно ходилъ между ульями, которые были почти въ два раза выше его, и, нагибаясь къ колодѣ, прислушивался къ жужжанію пчелъ внутри ея.

Старичекъ меня не видалъ; онъ останавливался, бормоталъ что-то и кивалъ своей дрожащей головой. Отойдя къ краю изгороди, онъ сталъ съ кѣмъ-то говорить. Я прошелъ по опушкѣ лѣса и увидѣлъ небольшой шалаши, сложенный изъ хвороста. Передъ нимъ на корточкахъ сидѣлъ молодой вотякъ и варилъ что-то въ котелкѣ надъ ко-

стромъ. Голубой дымокъ подымался въ тихомъ воздухѣ. Возлѣ, тоже на короточкахъ, сидѣла вотячка въ короткой юбкѣ и синихъ холщевыхъ штанахъ до пятъ. Съ ними-то и разговаривалъ старикъ. Они всѣ трое говорили и посмѣивались тихимъ хихикающимъ смѣхомъ, указывая рукой куда-то въ сторону. Я посмотрѣлъ туда и увидѣлъ среди песчанной площадки бугорокъ изъ наваленнаго лыка. Я вышелъ къ нимъ и поздоровался. Всѣ трое замолкли и уставились неподвижно на меня испуганными голубыми глазами.

— Здравствуйте! Что вы здѣсь дѣлаете? Лыко дерете?

— Здравствуй! Нѣтъ, мы мертвое тѣло хоронимъ.

— Какое мертвое тѣло?

— Мужичекъ убилъ себя. Пошелъ въ лѣсъ и на деревѣ убилъ себя.

— Какъ же это онъ, повѣсился что ли?

— Да, да. На лыкѣ, обвязалъ лыко вокругъ головы и удавился.

— Зачѣмъ же его не отвезете на кладбище и не похороните?

— Становой не приказалъ. Сказалъ,

чтобы подождать. Судь еще будетъ. Знаки на мужикѣ нашли.

— Какіе знаки?

— Не знаемъ какіе, только хоронить не приказалъ.

— А давно его такъ стережете?

— Не знаемъ. Мы не ученые, гдѣ намъ знать. Вторая смѣна уже идетъ. Каждый день новый мужикъ стережетъ, по очереди, и одинъ разъ уже вся деревня его простерегла, теперь опять сначала пошло. А ты самъ откуда?

— Изъ Петербурга.

— Изъ Петербурга?—И вотяки переглянулись и замолчали, затѣмъ сказали между собой нѣсколько фразъ вотяцки и опять уставились на меня испуганными свѣтлыми глазами. Меня же ошеломила неожиданная встрѣча съ трупомъ. Вспомнилось сейчасъ же „мултанское дѣло“. Старый казенный лѣсъ, которымъ я сейчасъ шелъ и любовался, теперь сталъ казаться мнѣ мрачнымъ; тихо покачивались высокія ели и глухо шумѣли. Вотяковъ, видимо, встревожило то, что я изъ Петербурга.

— Ты зачѣмъ къ намъ пришелъ?

Ты не подосланъ ли, хочешь узнать, какъ мы живемъ. Ты думаешь мы какое злое дѣло дѣлаемъ? Мы никому ничего не вредимъ, живемъ тихо. Это на насъ русскіе мужики говорятъ, что мы 'человѣка молимъ, — это пустое! Это они съ досады говорятъ, хотятъ у насъ наши земли отобрать.

— А что же они говорятъ?

— Говорятъ, что мы человѣка подвѣшиваемъ надъ котломъ и ножиками колемъ, чтобы кровь текла, а эту кровь будто собираемъ въ чашечки и пьемъ. Это все пустое! Вотъ и теперь, напрасно мы стережемъ этого мертваго мужика въ песокъ и керосиномъ поливаемъ; думаютъ вѣрно, что мы замолили. Пустое, — это онъ съ горя убился. Былъ молодой парень, бѣдный, и нанялся пахать поле у одного мужика, еще бѣднѣе. А какъ сталъ пахать, такъ и соху ему ненарокомъ изломалъ. Пришелъ къ мужику и плачетъ. — сломалъ твою соху, говоритъ, зачѣмъ взялся пахать! Кабы не я, ты бы еще долго этой сохой работалъ. А новой сохи тебѣ не могу купить. Вотъ теперь что ты будешь дѣлать? И такъ онъ убивался, да и пропалъ. Испугались въ

деревнѣ мужики, пошли его искать, а онъ уже и удавился.

Мнѣ было жутко. Я видѣлъ, что здѣсь опять тайна, что отъ вотяковъ не добиться яснаго безбоязненнаго разсказа. Они напуганы и въ самомъ до-вѣрчивомъ вопросѣ видятъ заднюю коварную мысль.

— Какъ называется вапа деревня?

— Гузношурь-Кибья.

— Есть ли у васъ хоть одинъ русскій человѣкъ?

— У насъ въ деревнѣ есть одинъ русскій, — лѣсной стражникъ. Коли хочешь къ нему пройти, такъ иди здѣсь по дорожкѣ, четвертая изба съ краю будетъ.

Я иду мимо пчельника, и заходящее солнце красноватыми лучами освѣщаетъ бѣлые черепа на ульяхъ. По дорогѣ попадаются вотяцкія дѣти; мальчики одѣты такъ же, какъ и русскіе ребята, а дѣвочки съ своеобразными вышивками и побрякушками на платьяхъ въ длинныхъ до пятокъ узенькихъ штанахъ. Но меня очень поразило въ дѣтяхъ какое-то странное взрослое выраженіе въ лицахъ; сперва даже показалось, что всѣ дѣти одноглазые.

Правый глазъ закрытъ и прищуренъ, а лѣвый смотритъ какъ-то своеобразно, точно насмѣшливо. Это отъ трахомы, которою болѣютъ почти всѣ вотяки, и это искривленіе глазъ придаетъ имъ загадочное выраженіе, точно они знаютъ какую-то тайну. Окошки у избъ открывались, высовывались вотячки и съ недоумѣніемъ смотрѣли на невиданнаго человѣка, забредшаго въ ихъ уединенную деревню. Въ четвертой избѣ оказался русскій лѣсникъ, единственный русскій въ этой деревнѣ, и на душѣ сдѣлалось легче. Онъ сейчасъ радушно сталъ меня угощать кирпичнымъ чаемъ съ баранками.

— Это самые добрые люди, отозвался онъ о вотякахъ: русскій—медвѣдь, татаринъ—волкъ, вотякъ—рябчикъ, сами они такъ называютъ. Всего они боятся и поэтому всякому пню кланяются. Сперва вотякъ въ церкви молебень отслужить, потомъ въ лѣсу своему богу помолится, затѣмъ и съ татаринномъ и съ черемисиномъ пойдетъ молиться, думаетъ, значить, замолить разныхъ боговъ, чтобы ни одинъ ему не повредилъ. Только когда праздникъ у вотяковъ, тогда нужно отъ нихъ сторониться.

Они поютъ пѣсни про свое старое время, какъ раньше дѣды ихъ хорошо жили и какъ теперь ихъ боги оставили. Я тогда ихъ сторонюсь, да и сами они мнѣ говорятъ: „Уходи лучше, Ефремъ, подальше“. Когда напьются своей самодѣльной водки „кумышки“, такъ видятъ наяву ни вѣсть что,—боговъ своихъ, и добрыхъ, и злыхъ, и съ ними разговариваютъ; а коли русскій имъ попадаетъ на то время, навалятся на него толпой и избьютъ; въ одиночку-то не справиться. Раньше я не зналъ этого. Въ праздникъ ихній лежу въ избѣ около окна, время было уже къ ночи. Вдругъ шастъ кто-то коломъ въ окно. Стекла на меня посыпались, только коль-отъ не задѣлъ. Я выскочилъ на улицу, вижу—вдали бѣгутъ нѣсколько. Заробѣлъ я за ними гнаться, еще убьютъ за околицей; а кто это былъ—не разглядѣлъ въ темнотѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ праздникъ ихній, я инда выйду на крыльцо и стрѣльну въ небо изъ леворвера для острастки. А такъ-то, вообще, мы живемъ мирно, въ милую душу.

Вотяцкія народныя пѣсни.

На что меня мать родила? Вмѣсто меня лучше бы дѣвокъ родила. Отъ меня отецъ и мать теперь далеко. Пойду я впередъ по длинной дорогѣ.

Вотъ когда питюжки поютъ пѣсни утромъ рано, какое имъ дѣло до мерзлаго дерева? Вотъ когда пестрыя питюжки есть, какое тебѣ дѣло до дѣвокъ?

Въ чистомъ полѣ, въ середкѣ, ключъ говоритъ. Бабы лѣсъ то пилятъ. Въ чистомъ полѣ на горкѣ дубъ зеленый стоитъ; если на него птички какія не сядутъ,—уйдемъ отъ него. Въ деревнѣ, въ середкѣ, нашъ домъ. Не хай, хоть и плохъ, да зайди.

Утки плывутъ по Камѣ. Видишь? Ты за меня на лодкѣ не гребешь. Я за тебя греблю. Побѣжимъ бѣгомъ на большую гору. Деревня больно далеко. Тамъ осталась мать и плачетъ.

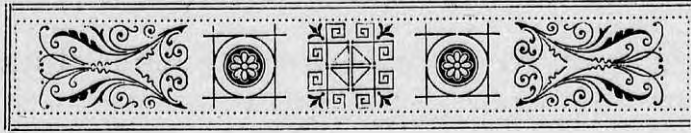
У одного отца было три сына. Самъ отецъ не зналъ, который милѣе, — всѣ кормили, поили его. Пошли на лужайку, скосили и нагребли стогъ сѣна. Отецъ говоритъ: другъ дружкѣ не смѣйтесь!

Пару лошадей запрягали и гуляли мы. Не упустимъ хорошихъ товарищей. Пойдемъ гулять по деревнѣ, къ кому вздумаемъ, туда зайдемъ. Наши товарищи хороши очень, другъ дружку не бросаемъ.

Камышъ шумитъ отъ вѣтра. На камышѣ бѣлый пухъ растетъ. Вѣтромъ вода несетъ пухъ камыша скоро, съ полдня вѣтеръ когда бываетъ. Были мы молоды, холосты, скоро, не долго. Въ травѣ вода рано утромъ бываетъ, да не долго: вѣтеръ скоро ее разноситъ.

Записаны со словъ вотяковъ въ д. Ст. Мултанъ, Малмыж. у.

У костра.

Тихая ночь спустилась надъ степью. На горизонтѣ еще пылаетъ багровая полоса неба и на ней черными силуэтами вырисовываются пасущіяся лошади. Отчетливо слышно, какъ неровно переступаютъ спутанныя ноги лошадей. Въ сонномъ воздухѣ, надъ неподвижной росистой травой, звуки несутся какъ надъ поверхностью озера, и откуда-то, близко-ли, далеко-ли, слышны какіе то голоса. Небо темное, облака мрачно нависли надъ отлогимъ холмомъ, черезъ который ведетъ дорога, и на его вершинѣ изрѣдка вырисовывается шагомъ въѣзжающая лошадь, лѣниво везущая поскрипывающую телѣгу, постукиваю-

щую на сухихъ кочкахъ, съ неподвижной фигурой дремлющаго мужика.

Нѣсколько парней лежатъ на рожкахъ и тулупахъ вокругъ костра и разговариваютъ въ полголоса. Яркое пламя и красные угли освѣщаютъ ихъ загорѣлыя лица, а за ними высокіе неподвижные стебли растеній съ бѣлыми цвѣтами, надъ которыми вьются ночныя бабочки. Одинъ парень, лежа на спинѣ, раскидавъ длинныя ноги, начинаетъ пѣть:

Мнѣ не спится, не лежится,
Сонъ не беретъ.
Я сходилъ бы ко любезной,
Самъ не знаю, гдѣ живетъ.

Надъ дремлющей степью звонко понеслись чистые звуки и съ холма эхомъ возвратилось послѣднее слово. Парень смолкъ и, перевернувшись на животъ, сталъ свертывать цыгарку. И въ наступившей тишинѣ тьма, спустившаяся надъ степью, показалась еще гуще и какъ будто со всѣхъ сторонъ понадвинулась къ костру. А откуда-то изъ степи зазвенѣлъ женскій голосъ:

Кто меня да дѣвчонѣчку
Да полюбить эту ночку?
У кого душа стражаетъ,
Ѣшь ко мнѣ дорожку знаетъ.

Опять замолкла пѣсня и опять сумракомъ заволокло кругомъ. Пѣвшій паренъ приподнялся и съ равнодушнымъ видомъ докончилъ свертывать цыгарку.

— Ваня, ты послѣдишь здѣсь за огнемъ?

И медленной раскачивающейся походкой паренъ удалился во мракъ. Гдѣ то далеко, въ разныхъ мѣстахъ, одинъ за другимъ начали пѣть женскіе голоса, къ нимъ присоединялись новые, дрожащіе звуки, и не смолкая, стали звенѣть надъ степью. Парни, точно нехотя, поочереды вставали и уходили во мракъ. На рогожѣ возлѣ костра остался одинъ паренъ; онъ бросилъ на угли охапку сырого хвороста. Въ серединѣ загорѣлся желтый огонекъ; онъ то потухалъ и синія струйки дыма вились по сучьямъ, то огонекъ вспыхивалъ и желтымъ свѣтомъ озарялъ лежащаго парня съ голубыми глазами, который задумчиво молчалъ, положивъ голову на руки.

По травѣ шуршатъ шаги и въ полусу свѣта къ костру подходитъ высокій крестьянинъ и рядомъ съ нимъ маленькая дѣвочка. Крестьянинъ одѣтъ по дорожному, съ лыковой котомкой за плечами, съ посохомъ въ рукахъ, въ

лаптяхъ и въ высокой войлочной поярковой шляпѣ. Дѣвочка въ малиновомъ сарафанчикѣ, тоже съ котомкой, и въ большихъ не по ногѣ лаптяхъ.

— Здравствуйте, добрые люди, говоритъ прохожій. Дѣвочка хватаетъ его за полу и смотритъ робко и любопытно.

— Здравствуйте, говоритъ паренекъ.

— Умаялся-то на дорогѣ. Да и холодъ сдывается къ ночи.

— Садись къ костру; огня-то чего жалѣть.

Прохожій снимаетъ котомку, опускается на землю. Дѣвочка становится на колѣни передъ костромъ и грѣетъ руки.

— Степь-то какъ у васъ тянется. Ни одной деревни. Какъ вышелъ изъ лѣсу, такъ все, чай, полемъ шли. Мѣсто-то какое напольное.

— Да степь теперь потянется, поди, до самой Казани. А наша деревня здѣсь сейчасъ за горой, версты двѣ только. Мы здѣшніе.

Костеръ разгорѣлся и при его пламени казалось мѣднокраснымъ суровое загорѣлое лицо прохожаго съ темной бородой, съ прямыми жесткими волосами.

— Цыгане здѣсь не проѣзжали-ли?

— Цыгане, говоришь? Нѣтъ, давно цыганъ не видно было. Все обозы шли и порожнемъ мужики возвращались. А на что тебѣ цыгане?

— Я такъ, къ слову спросилъ. Мужика я встрѣтилъ, очень ужъ убивается. Шли мы это полемъ. Гладко, далеко видно на полѣ. На холмъ тоже выйдешь, верстъ за десять кругомъ какъ на ладони. Говоритъ дѣвчонка, — „тятъка, никакъ, человѣкъ за нами бѣжитъ!“ Оглянулся я, и впрямь вдали будто точка чернѣетъ. Далекое—въ родѣ человѣкъ бѣжитъ по дорогѣ и то припадетъ на землю, то опять вскочить и быстрымъ бѣгомъ по дорогѣ бѣжитъ. Оно-то сразу и боязно стало. Ну, думаю, недобрый человѣкъ такъ не побѣжитъ, а хорониться станетъ. Вѣрно, ума рѣшился человѣкъ. Но и такого тоже страшно, кто себя не помнитъ, тотъ будто звѣрь, и на другого кинуться можетъ. Но все таки сѣли мы на холмикъ подъ иконой Казанской, на перекресткѣ: ждемъ, не насъ ли, поди, ищетъ. Когда близко уже былъ, вижу, человѣкъ будто помѣшался, бѣжитъ красный, въ пыли, грязи вывалялся, и слезы, и потъ изъ глазъ

текутъ, и по лицу размазались. А глаза какъ ровно у полоумнаго. Увидѣлъ насъ и прямо къ дѣвчонкѣ.

— Манька!.. какъ закричить онъ: ты ли это!

Я его отстранилъ рукой и говорю.

— Очнись, очумѣлъ ты. Гдѣ ты видишь Маньку? То моя дочь Олѣнка.

Тутъ упалъ онъ на дорогу, прямо лицомъ, и заплакалъ. Сталъ я его утѣшать, поднялъ, посадилъ подъ иконой Казанской. Тутъ онъ и рассказываетъ:

Былъ, говоритъ, въ Сибири. И ушелъ онъ въ тайгу, золото промывалъ. Ну намылъ достаточно, думалъ можно и справить все что нужно и дѣло какое завести. А жену и дѣтей четверо въ деревнѣ оставилъ; не писалъ имъ, конечно, давно. Въ тайгѣ — какія тамъ письма посылать. Счастливъ, коли живой и пріятели не придушили. А жена, поди, полтора года безъ писемъ жила. Денегъ тоже не прислалъ. А положеніе, знаешь, какое теперь, — лишній ротъ, значить, самъ безъ хлѣба сиди. Ссуду тоже выдаютъ мимо десяти на одиннадцатаго, а женѣ его никакого пайка не вышло. Билась она, билась. Одну дочку вотякамъ отдала, будто въ за-

мѣсто родной дочки. Извѣстно, вотяки часто безъ божьяго благословенья остаются, а лестно имъ, конечно, русскую дочку имѣть. Такъ за нее она не безпокоилась: ее уже вотяки такъ накормятъ, что растолстѣетъ. А вотъ трое на рукахъ остались, хлѣба нѣтъ, чѣмъ ихъ воспитывать! А другіе мужики, что въ Сибирь ходили, давно всѣ поворочались. Говорили, что „мужа твоего, дескать, не встрѣчали, померъ, поди“! Молодуха ждала долго, и пошла дѣвчонокъ въ услуженье отдавать: думала, коли здѣсь не отдастъ, въ Казань сходить и тамъ найметъ, а дѣвчонокъ по чужимъ людямъ раздѣлить. Нянькой или пріемышемъ, можетъ, возьмутъ. Ушла она, а мужъ черезъ день и въ деревню возвращается. Фартовымъ парнемъ пришелъ, денегъ сотни четыре, принесъ, женѣ подарки накупилъ. А какъ подошелъ къ избѣ, видитъ окна досками поперекъ заколочены, какъ грохнется на землю. Пришли сосѣди, говорятъ, бѣги скорѣй, жена вчера ушла дочекъ продавать. Побѣжалъ онъ по дорогѣ, всѣхъ спрашиваетъ: не видали-ль бабы съ тремя дѣвочками. Одни говорятъ,—не видали,—

много народу по дорогѣ, всѣхъ развѣ запомнишь. А кто говорилъ, что и видѣлъ...

Когда онъ упалъ возлѣ насъ, мнѣ жалко его было, взялъ его за плечо и пошли вмѣстѣ. Я держу его, говорю что вмѣстѣ пойдемъ дальше, скоро нагонимъ: куда же далеко за день уйти женѣ да еще съ ребятами. А какъ пришли въ деревню, мужикъ бросился изъ избы въ избу спрашивать: не видали ли бабы съ тремя дѣтками. Въ одномъ мѣстѣ сказали, что видѣли бабу, но только съ двумя. Она, поди, еще не вышла изъ деревни, сидитъ гдѣ либо въ крайней избѣ.

Мужикъ побѣжалъ по всѣмъ избамъ, не знаю уже нашелъ ли. А мы пошли дальше...—

Пока прохожій рассказывалъ со степи пришли двѣ дѣвушки, обнявшись, подошли они къ самому костру и въ красныхъ кумачевыхъ сарафанахъ стояли, озаренныя пламенемъ раскаленныхъ углей; рассказъ заинтересовалъ ихъ и они сѣли на рогожу, такъ же обнявшись, какъ и пришли.

— Ты и не знаешь, спросила одна, нашелъ ли онъ молодуху?

— Не знаю. Вѣрно нашель, а то бы по дорогѣ насъ нагналъ.

— А я бы никогда своего робеночка въ чужія руки не отдала. Лучше бы по міру съ нимъ ходила.

— Ну, не скажи, моя тетерочка. Было-бы у тебя пятеро, а дома ѣсть нечего, такъ лучше бы въ чужія люди отдала, тамъ, можетъ, и накормятъ. А нынче и по міру ходитъ, найдешь ли вездѣ кусочекъ?

— А ты куда свою дѣвченку ведешь?

— Не я веду, а сама напросилась. Хотѣлъ ее оставить у крестной, да говорить, возьми и возьми съ собой на богомолье. Да ты устанешь, глупая! Нѣтъ говорить, тятка, я легкая, не устану. Ну иди, сказалъ я. Вотъ мы, поди, полъ дороги уже прошли. Въ лаптяхъ то не очень ногу собьешь. Ну, въ городъ придемъ, я ей сапоги одѣну. Съ собой въ котомкѣ несу.

— Такъ ты на богомолье идешь?

— Да, тетерочка. Тоска меня забрала. Жену съ полгода какъ схоронилъ. Одна сиротка Олѣнка у меня осталась. Вмѣстѣ и идемъ на богомолье. Помолимся угодникамъ. Въ до-

рогѣ-то забывается тоска, людей видишь, мѣста новыя, степью тоже идти привольно. Лѣсомъ, коли идешь, такъ инда и скучно станеть. Лѣса назади остались казенные, идешь день, идешь другой, кругомъ ели сѣдя, что паутиной обернуты, и неба только краешекъ видень.

— Олѣнка, не устала еще идти?

— А не!

— А не страшно идти?

— Съ тяткой не страшно. Вотъ коли уснетъ, такъ трудно разбудить. Спать больно крѣпко съ дороги, никакъ не раскачаешь. Такъ тогда страшно одной оставаться. Одинъ разъ дождь шелъ, цѣлый день гроза стояла, мы въ лѣсу въ сторожку укрылись, въ родѣ какъ часовенка, и крестъ былъ сверху, и икона старая и черная въ углу. Ждали, ждали, когда дождь пройдетъ, и такъ стемнѣло. Рѣшили ночевать. Дверь прикрыли, тятка коломъ ее приперъ. Сами на полу легли; а я никакъ заснуть не могу, будто кто въ подпольѣ стучитъ и плачетъ. А въ лѣсу шумъ, стукъ, деревья ломаетъ, вѣтеръ воетъ, душеньки загубленные

плачуть, а по дорогѣ мимо сторожки вода цѣлой рѣкой течеть. Окошечко махонькое вырублено въ сторожкѣ, такъ въ него всю ночь какой то мохнатый глядѣль и какъ робеночекъ сто-наль.....

Всѣ замолчали. Надъ степью неслись и близкіе, и дальніе женскіе голоса. Костеръ потрескивалъ. Дѣвушки, по прежнему, обнявшись, легли на рогожу, и накрылись тулупомъ, оставленнымъ однимъ изъ парней, такъ что видны были изъ подъ темной овчины ихъ загорѣлыя обвѣтренныя лица, гладко причесанные волосы съ пробормомъ и блестящіе глаза, задумчиво глядѣвшіе на Олѣнку. Парень лежалъ на животѣ и, болтая ногами въ лаптяхъ, разсѣянно поворачивалъ прутомъ угли костра.

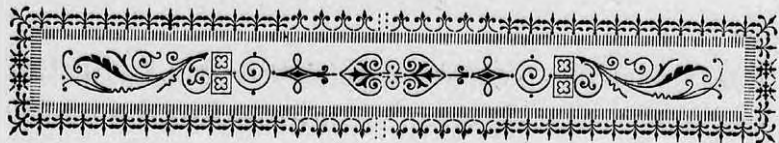
— А вы сами дальніе? Откуда вы будете?

— Мы Глазовскіе съ Шульбинскаго починка. Версть 350 будетъ отсюда, а поди, и больше. Уже шестнадцатый день идемъ.

— Что же и у васъ такіе же народы живутъ — и татары, и вотяки, и черемисы?

— Есть народу дикаго у царя великаго. Эти же, извѣстно, по всей Россіи живутъ, и у насъ ихъ довольно.

Воскресныя школы.

I.

Въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, развился типъ очень полезныхъ и симпатичныхъ воскресныхъ школъ, гдѣ получаютъ образованіе взрослые крестьянскія дѣвушки.

Инициаторомъ воскресныхъ женскихъ школъ является священникъ села Никитскаго, о. Петръ Модестовъ. Это—очень энергичная личность, одинъ изъ числа тѣхъ священнослужителей, которые явились передовыми бойцами въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ, когда въ 1897 г. Тульскую губернію постигнулъ недородъ хлѣба и всѣ связанная съ этимъ тяжелыя послѣдствія.

Видя медленность движенія образо-

ванія въ окружающемъ крестьянскомъ населеніи и почти совершенное отсутствіе грамотности среди женщинъ, о. Модестовъ рѣшилъ приложить свои посильные труды на добрую, хотя и трудную цѣль. Вотъ что онъ самъ пишетъ въ своемъ докладѣ Богородицкому земству:

„Препятствіемъ къ развитію грамотности служить, во-первыхъ, недостаточное расположеніе самихъ крестьянъ къ грамотѣ: большинство изъ нихъ не вкусили плодовъ грамотности, поэтому неособенно и заботятся о томъ, чтобы посвятить грамотность въ своихъ дѣтяхъ. Въ частности, въ селѣ Никитскомъ большимъ препятствіемъ для распространенія грамотности служить отдаленность училища отъ окраинъ селенія. Съ дальнихъ слободъ приходится дѣтямъ проходить до училища 2—3 версты (иногда въ грязь, при дождѣ, въ метель, по глубокому снѣгу, въ большіе морозы). Такія неудобства съ трудомъ переносятъ даже мальчики, которые въ 8—9 лѣтъ уже имѣютъ сапоги, полушубки, а дѣвочкамъ такой одежды и обуви въ крестьянствѣ не принято дѣлать; до 12-ти-лѣтняго воз-

раста онѣ пользуются только сѣряками; только въ болѣе состоятельныхъ домахъ родители имъ шьютъ суконныя поддевки. Поэтому дѣвочкамъ школьнаго возраста совсѣмъ невозможно посѣщать отдаленную школу.

„Все это намъ видно на практикѣ: при началѣ учебнаго года въ училище поступаютъ до 30—35 дѣвочекъ; первый мѣсяць онѣ посѣщаютъ школу весьма усердно, много аккуратнѣе мальчиковъ, съ наступленіемъ же глубокой осени, отъ мокроты и грязи, онѣ оставляютъ училище совсѣмъ. Такъ бываетъ даже въ специальныхъ женскихъ школахъ—церковно-приходскихъ.

„Такимъ образомъ мужское население получало нѣкоторое образованіе, а дѣвушки и женщины настолько оставались неразвитыми, что не въ состояніи были понимать ученіе священника о Богѣ, о вѣрѣ, о добродѣтели. Между тѣмъ, научить женщину всему доброму особенно важно. Ей, когда станетъ она матерью, приходится быть прямою воспитательницею своихъ дѣтей, такъ какъ она почти неотлучно находится при домѣ.

„Давно я сознавалъ необходимость

научнаго воспитанія взрослыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, которыя съ большимъ удобствомъ могутъ посѣщать школу. Притомъ же въ такомъ возрастѣ скорѣе и больше можно ихъ научить полезному, и преподанное имъ можетъ оставаться у нихъ въ умѣ и сердцѣ много прочнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ школьнаго возраста. Но я страшился приняться за это дѣло изъ опасенія, что оно окажется не по силамъ; ибо, кромѣ средствъ и школьнаго помѣщенія, нужны учителя, и притомъ умные и серьезные. Нужно развить для этого и въ родителяхъ сознаніе потребности обученія ихъ дочерей грамотѣ и добиться согласія отпускать ихъ въ школу; вдобавокъ, и сами дѣвицы въ возрастѣ невѣсть неохотно на первыхъ порахъ соглашались учиться, опасаясь пренебреженія къ нимъ со стороны жениховъ, — не сравнивали бы ихъ съ „вѣковушами“.

Наконецъ, въ ноябрѣ 1894 г. о. Петръ Модестовъ съ дочерью Ольгою, по соглашенію съ товарищемъ священникомъ о. Алексѣемъ Нащекинымъ, пригласили двухъ учителей земскаго училища и рѣшились приступить къ

открытію школы для взрослыхъ дѣвицъ. Такъ какъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ мѣстное училище бываетъ свободно, то его и избрали помещеніемъ для занятій съ ученицами и назвали эту школу „воскресною“. На первый урокъ собралось до 80, а потомъ и до 120 дѣвушекъ, такъ что въ самой большой классной комнатѣ трудно было ихъ размѣстить. Нѣкоторыя должны были стоять или сидѣть на подоконникахъ, а когда бывалъ урокъ по письму, то размѣщали ихъ въ двухъ классныхъ комнатахъ. Всѣ эти школьницы ранѣе въ дѣтскомъ возрастѣ грамотѣ не учились.

Принятую задачу, какъ оказалось на дѣлѣ, невозможно было выполнить только въ праздничные дни; поэтому рѣшили учить и въ одинъ изъ буднихъ дней, такъ что впослѣдствіи на каждой недѣлѣ бывало въ воскресной школѣ 2—3 учебныхъ дня. По праздникамъ учили послѣ литургіи и до вечера, а въ будни съ 8 ч. утра до 4 ч. вечера. Всѣхъ учебныхъ дней за тотъ годъ было 62.

Посѣщеніе школы ученицами было не совсѣмъ аккуратное, — до конца

учебнаго года пробыло въ школѣ только 50 дѣвушекъ. Во второмъ учебномъ году вновь поступило 55 дѣвушекъ. Изъ прежнихъ ученицъ 35 пожелали продолжать ученіе на второй годъ, и изъ нихъ сдали экзамень 21 по программѣ для церковно-приходскихъ школъ. Лучше всѣхъ предметовъ второкурсницы изучили Законъ Божій. Въ этомъ учебномъ году было обращено особое вниманіе на церковное пѣніе, такъ что къ концу учебнаго года дѣвушки цѣлой школой могли пѣть въ церкви всю литургію. Учебныхъ дней во второмъ учебномъ году было 57.

Несмотря на успѣхи, сдѣланные ученицами за два года существованія воскресной школы, нельзя сказать, чтобы не было въ организаціи ея нѣкоторыхъ недостатковъ. Напримѣръ, опытъ показалъ, что учитель не такъ пригоденъ для этой школы, какъ учительница: при объясненіи дѣвушкамъ правилъ благопристойности и благоповеденія удобнѣе съ ними бесѣдовать учительницѣ, чѣмъ учителю, и т. д. Кромѣ того, учителямъ, какъ оказалось на практикѣ, все же трудно вести учебное дѣло въ теченіе всей недѣли безъ

отдыха, какъ и безъ опредѣленнаго вознагражденія за него; хотя къ чести ихъ нужно прибавить, что этотъ трудъ принимался ими на себя безъ всякаго принужденія съ чьей-либо стороны.

Каковы же результаты дѣятельности воскресной Никитской школы, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать оффиціальныи докладъ предсѣдателя Богородицкой земской уравы графа В. А. Бобринскаго.

„Успѣхи, достигнутые дѣвушками въ 119 учебныхъ дней, дѣйствительно, поразительны. Онѣ выучились отчетливо и со смысломъ читать и передавать своими словами прочитанное, ясно и безъ серьезныхъ ошибокъ писать и даже составлять несложныя сочиненія. По-славянски онѣ правильно и съ соблюденіемъ удареній читали и для нихъ славянское богослуженіе и Евангеліе были вполне понятны. Кромѣ того, онѣ были ознакомлены съ нѣкоторыми эпизодами изъ русской исторіи. Если по ариѳметикѣ дѣвушки оказались слабѣе общаго уровня народныхъ училищъ, то въ Законѣ Божіемъ онѣ далеко превзошли оныи, а главное, было видно, что преподаваніе Закона Божія

не только дало имъ извѣстную сумму знаній, но имѣло большое воспитательное значеніе для ученицъ и расширило ихъ умственный и нравственный кругозоръ. Успѣхи эти можно объяснить возрастомъ ученицъ, ихъ прилежаніемъ и религіознымъ отношеніемъ къ ученію, а главнымъ образомъ, беззавѣтной преданностью и педагогическими способностями священниковъ П. П. Модестова и А. Г. Нащекина, которымъ дружно помогали дочь перваго и учителя Никитскаго земскаго училища“.

Никитской воскресной школѣ принадлежитъ великая заслуга перваго опыта въ этомъ краю, что всегда бываетъ болѣе труднымъ, такъ какъ связано съ неизвѣстностью успѣха, со многими ошибками и вызываетъ къ себѣ недовѣріе окружающихъ лицъ. Несмотря на много трудностей, добрые начинатели энергично отстаивали созданное ими благо дѣло, и это послужило заразительнымъ примѣромъ для окружающихъ селъ, которыя на основаніи успѣшнаго начала увѣровали и въ полную пригодность, и въ возможность развитія воскресныхъ женскихъ школъ.

Черезъ годъ существованія,—когда

весенніе экзамены выяснили цѣлесообразность и пригодность начатаго дѣла, — осенью, 15 сентября, вновь начались занятія въ Никитской школѣ, а 15 октября открылась школа въ сѣднемъ селѣ Непрядвѣ. Въ ноябрѣ, продолжая распространяться по юго-востоку уѣзда, воскресныя школы появляются и въ центрѣ, и на сѣверѣ, такъ что къ 1 декабря было уже 12 такихъ школъ, въ декабрѣ открылось еще 6 школъ, и въ январѣ 3. Эти юныя школы взяли въ свои руки учителя земскихъ и церковно-приходскихъ школъ съ своими законоучителями во главѣ и, видно, горячо, серьезно, обдуманно. Имъ въ заслугу нужно поставить то обстоятельство, что они посвятили на работу праздники и воскресные дни, единственное время для отдыха отъ ежедневнаго тяжелаго учительскаго труда.

Въ этихъ 21 школѣ первоначально записалось и получило кое-какое обученіе болѣе 2,000 дѣвушекъ, но по разнымъ причинамъ это число къ веснѣ сократилось до 1,597 дѣвушекъ, которыя правильно посѣщали школьныя занятія. Около 50 дѣвушекъ, —

и между ними много отличныхъ ученицъ, — должны были въ теченіе мясѣда прекратить свои школьныя занятія вслѣдствіе выхода въ замужество. Но все же для нихъ школа осталась не безъ пользы, такъ какъ онѣ уже немного читали, знали многія молитвы и символъ вѣры. О нѣкоторыхъ изъ нихъ слышно, что онѣ продолжаютъ дома учиться у своихъ подругъ, оставшихся въ школѣ. Въ Никитскомъ уже встрѣчаются взрослые женщины, которыя научились читать у воскресницъ.

Если принять въ соображеніе, что въ 1895—96 году дѣйствовала 21 воскресная школа, въ которыхъ постоянно училось 1,597 дѣвушекъ изъ 32 селъ и деревень, съ женскимъ населеніемъ въ 18,725 душъ, и что въ этомъ же районѣ 229 дѣвочекъ посѣщали ежедневныя школы, то окажется, что 9,75 проц. женскаго населенія этого района правильно посѣщали школу. Принявъ все женское населеніе уѣзда въ 75,202 души, окажется, что $\frac{1}{4}$ уѣзда уже обеспечена возможностью получить образованіе.

II.

Главный недостатокъ воскресныхъ школъ заключается въ томъ, что къ учительству въ нихъ привлекаются, — правда, вполнѣ добровольно, — учащіе въ ежедневныхъ школахъ и, такимъ образомъ, у нихъ отнимается единственный день отдыха. Поэтому особаго интереса заслуживаетъ сдѣланный въ Никитскомъ приходѣ первый опытъ устройства воскресныхъ школъ въ деревняхъ, отдѣльно отъ организованныхъ уже школъ, и гдѣ учительницами явились лучшія ученицы изъ окончившихъ курсъ воскресницъ.

Дѣло это возникло какъ-то само собою. Съ началомъ занятій въ Никитской воскресной школѣ осенью 1896 года, 5 окончившихъ весною курсъ дѣвушекъ продолжали ходить въ школу и помогать учительницѣ при урокахъ. Дѣвушки эти выказали хорошія дарованія и любовь къ дѣлу, скоро усвоивъ элементарныя педагогическіе приемы. Имъ стали поручать преподаваніе въ младшемъ отдѣленіи,

— выяснилось, что при громадномъ усердіи, которое онѣ проявляли, имъ можно поручить самостоятельное веденіе дѣла. Когда открылись въ сосѣднихъ деревняхъ 3 новыя воскресныя школы, туда были назначены 4 изъ этихъ воскресницъ-учительницъ, а пятая была оставлена въ качествѣ помощницы Никитской учительницы, и она одна вела младшее отдѣленіе этой школы, чѣмъ дала возможность учительницѣ сосредоточить все свое вниманіе на старшемъ отдѣленіи. Само собою разумѣется, что юныя учительницы часто посѣщались и постоянно руководились въ новомъ для нихъ дѣлѣ своими священниками.

Результаты, достигнутые ими, настолько хороши, что школы ихъ можно смѣло поставить въ числѣ лучшихъ воскресныхъ школъ уѣзда. Пользованіе учительницами-крестьянками, какъ оказалось на опытѣ, это — самый практичный и дешевый методъ преподаванія. Не говоря о томъ, что, воспитанныя и живущія въ крестьянскомъ быту, онѣ довольствуются еще болѣе скуднымъ вознагражденіемъ, чѣмъ наши бѣдствующія сельскія интеллигент-

ныя учительницы, — онѣ, какъ женщины, отличаются большимъ прилежаніемъ и аккуратностью и не имѣютъ тѣхъ російскихъ недостатковъ, которые свойственны такъ часто сельскимъ учителямъ.

Вотъ что пишетъ объ этихъ учительницахъ - крестьянкахъ завѣдующій Красно-Холмскою школою:

„Онѣ оказались настолько способными въ дѣлѣ учительства, что къ концу учебнаго года ихъ ученицы, приглашенные на экзамень въ Никитскую воскресную школу, по испытаніи заслужили полное одобреніе комиссіи, производившей экзамень въ вышеназванной школѣ. Этотъ фактъ показываетъ, что есть еще непочатыя силы, которые при удобныхъ обстоятельствахъ могутъ работать съ великой пользою для народа, тѣмъ болѣе, что и выйдя-то онѣ изъ его среды. Главнымъ образомъ, онѣ полезны для обученія крестьянскихъ дѣвушекъ. Имъ понятнѣе взгляды, потребности и стремленія, въ ихъ рукахъ самое главное — приспособленный къ крестьянскимъ понятіямъ народный языкъ. Если успѣшно вели дѣло учительства окончившія

курсъ сельской воскресной школы, то чего же можно ожидать, если онѣ получатъ болѣе полное и систематическое образованіе?“.

Для борьбы съ обычнымъ предубѣжденіемъ крестьянъ противъ обученія дѣвочекъ приходилось прибѣгать къ различнымъ средствамъ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ о. П. Модестовъ: „Въ народѣ составился взглядъ на начальное образованіе, какъ на дѣло, свойственное только дѣтскому возрасту. Равнымъ образомъ, случай хожденія въ школу дѣвушекъ-невѣсть, имѣющей приложеніе первый разъ на памяти стариковъ, казался въ высшей степени предосудительнымъ, даже позорнымъ. Въ виду всего этого пришлось склонять крестьянъ къ образованію взрослыхъ дѣвушекъ путемъ долгихъ разъясненій значенія образованія для человѣка, его пригодности и почетности для всякаго возраста и пола“. Священникъ П. Модестовъ, его дочь и св. А. Нащекинъ ходили изъ дома въ домъ и убѣждали родителей отпустить своихъ дочерей въ школу, а дѣвушекъ — не стыдиться учиться. Подобныя же мѣры были приняты и другими

священниками и учителями. Въ чемъ собственно заключались эти уговариванія, объ этомъ подробнѣе говоритъ завѣдующій Непрядвенской школою св. Н. Глаголевъ. „Такъ какъ крестьяне, — пишетъ онъ, — не придавали до сего времени дѣлу обученія грамотѣ дѣвицъ серіознаго значенія, считая это лишнею прихотью, то, дабы разрушить это убѣжденіе, и съ церковной кафедры, и при посѣщеніи ихъ домовъ внушалось, что каждой дѣвицѣ учиться грамотѣ полезно и необходимо: а) полезно потому, что въ большинствѣ случаевъ дѣвицы все свободное время проводятъ или въ ничего-недѣланіи, или находятъ себѣ развлеченіе въ пустыхъ забавахъ. Иное дѣло, если дѣвица обучается грамотѣ: она и для себя найдетъ полезное развлеченіе, и семьѣ своей доставитъ немалое удовольствіе своимъ чтеніемъ и разказами о прочитанномъ. Кромѣ того, грамотная дѣвица сумѣетъ и въ поминаніе записать имена своихъ родныхъ для поминовенія, да и письмо къ брату - солдату написать, а современемъ, по выходѣ замужъ, и къ мужу, чѣмъ копѣечку бережетъ, да и письмо выйдетъ дѣль-

нѣе, чѣмъ написанное по заказу постороннимъ лицомъ; б) необходимо, ибо стыдно и грѣшно дѣвицѣ, будущей матери, не знать самой Закона Божія и грамоты для наученія тому же своихъ дѣтей, какъ подобаетъ христіанкѣ. Въ примѣръ убѣждаемымъ дѣвицамъ показывались матери, которыя, при всемъ своемъ желаніи воспитать своихъ дѣтей по-христіански, не могутъ этого сдѣлать по незнанію грамоты“.

Другіе священники прибавляли къ этому еще указаніе на то, что по закону отъ вступающихъ въ бракъ требуется знаніе молитвъ, заповѣдей и символа вѣры, и что, если до сихъ поръ на незнаніе ихъ смотрѣли снисходительно, то исключительно по недостатку школъ для дѣвочекъ, и что теперь, когда всякая дѣвушка имѣетъ возможность учиться въ воскресной школѣ, требованія эти будутъ примѣняться строже.

Въ большинствѣ селъ, кромѣ того, священники произнесли еще проповѣди въ церквахъ на тему о пользѣ и необходимости грамоты для женщинъ. Въ значительномъ большинствѣ селъ одной проповѣди оказалось вполне достаточно для того, чтобы въ школу собралось

значительное число дѣвушекъ. Священникъ села Акимо-Ильинскаго, разсчитывая, что въ церкви на проповѣди могли быть не всѣ тѣ, которыя пожелаютъ учиться, послалъ еще особое приглашеніе въ тѣ дома, гдѣ были неучащіяся взрослые дѣвушки. На это приглашеніе собрались всѣ приглашенные, а тѣ, которыя почему-нибудь были обойдены, напримѣръ, дочери лавочника, очень на то обидѣлись, но тѣмъ не менѣе въ школу пришли.

Сельскому населенію въ большинствѣ случаевъ свойственно относиться съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ ко всякому учрежденію, — особенно если оно хотя косвенно касается ихъ и измѣняетъ такъ или иначе обычное теченіе ихъ жизни. Такое недоувѣріе еще болѣе усиливается, когда это учрежденіе идетъ противъ нѣкоторыхъ издавна укоренившихся предразсудковъ. Къ такимъ предразсудкамъ должно быть отнесено мнѣніе крестьянъ, что дѣвушкамъ грамота не нужна. Понятно, что женская воскресная школа, выступившая противъ этого предразсудка, не вездѣ встрѣтила сочувствіе населенія. Надо удивляться только, насколько враждебное отношеніе къ

ней было слабо: оно нигдѣ не перешло въ какое-нибудь открытое враждебное дѣйствіе.

Несочувствіе или простое равнодушіе было замѣчено только въ 5 селеніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Карникахъ населеніе встрѣтило школу съ недоумѣніемъ и отнеслось къ ней даже несочувственно.

Грамота каждому нужна, — говорили крестьяне с. Волова. Въ Дѣдиловѣ, послѣ проповѣди и объявленія объ открытіи воскресной школы, крестьяне тутъ же въ церкви громко благодарили о. А. Трубина за это доброе и хорошее дѣло. И такое отношеніе къ школамъ было господствующимъ въ большинствѣ селъ. У родителей и дѣвушекъ, — пишетъ одинъ изъ завѣдующихъ школою, — составилось понятіе о занятіяхъ въ воскресной школѣ, какъ о дѣлѣ богоугодномъ и очень полезномъ. Рѣдкіе случаи смѣха со стороны молодыхъ парней, когда они встрѣчали идущихъ изъ школы невѣсть, смущавшіе ученицъ, прекратились вмѣстѣ съ успѣхомъ дѣвушекъ въ чтеніи и церковномъ пѣніи, — такъ что можно сказать, что помѣхи заня-

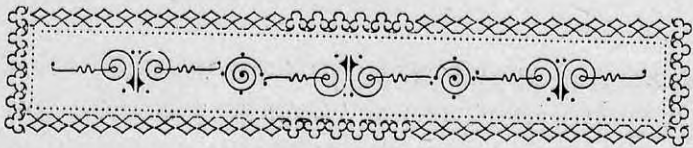
тіямъ дѣвушекъ въ воскресной школѣ со стороны отношенія къ ней мѣстнаго населенія не было. Послѣ того, какъ извѣстная школа, просуществовавъ 2—3 мѣсяца, обучила ученицъ читать и писать, а кое-гдѣ и пѣть настолько, что онѣ стали принимать участіе въ богослуженіи, проснулись къ школѣ симпатіи и тамъ, гдѣ раньше встрѣтили ее несочувственно. Вотъ что пишетъ объ этомъ завѣдующій Непрядвенской воскресной школой о. И. Глаголевъ: „Такъ какъ крестьяне болѣе всего убѣждаются не разсужденіями, а живыми примѣрами изъ дѣйствительной жизни, то этимъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что во вновь открытую школу поступило для обученія только 25 дѣвицъ, хотя это число составляетъ приблизительно $\frac{1}{8}$ часть всѣхъ взрослыхъ неграмотныхъ дѣвицъ прихода. Какъ оказалось послѣ, крестьяне еще не вполне сознали пользу ученія для дѣвицъ и ждали, какіе благіе плоды получатся отъ тѣхъ, можно сказать, героинь, которыя рѣшились, вопреки установившемуся обычаю, учиться, уже будучи взрослыми“.

Когда дѣвушки изучали первона-

чальные молитвы, познакомились съ событіями Ветхаго и Новаго Завѣта, научались читать, писать и передавали своимъ родителямъ и товаркамъ обо всемъ слышанномъ, читанномъ и видѣнномъ, то имѣющіе очи видѣть и уши слышать поняли, что школа — не пустая затѣя, а полезное учрежденіе.

Предубѣжденіе крестьянъ противъ обученія грамотѣ взрослыхъ дѣвушекъ, такимъ образомъ, можно считать окончательно разрушеннымъ. Нечего говорить, что сами дѣвушки всюду относились къ школѣ очень хорошо, а многія — даже съ увлеченіемъ и любовью.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ указанныхъ воскресныхъ школахъ помѣщены въ „Докладѣ Богородицкой уѣздной земской управы о доставленіи всему населенію уѣзда общедоступнаго начального образованія и отчетѣ о воскресныхъ школахъ“.

Фабричныя сестры.

Въ Ярославлѣ, на Большой Ярославской мануфактурѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ возникло учрежденіе, слабое и неустойчивое, выросшее изъ случайностей, но которое слѣдовало бы отмѣтить какъ свѣтлый симптомъ настоящаго и, быть можетъ, симпатичный образецъ для будущаго.

Возлѣ фабрики, въ томъ предмѣстьѣ, гдѣ живетъ многотысячное рабочее населеніе, стоитъ старинная Предтеченская церковь и настоятелемъ при ней находится о. Ѳеодоръ Успенскій, обладающій большой энергіей. Его духовную паству составляетъ фабричный людъ, съ которымъ онъ проводитъ всю

свою повседневную жизнь. Какъ-то случайно нѣсколько взрослыхъ фабричныхъ дѣвушекъ обратились къ о. Ѳеодору съ просьбой позаняться съ ними Закономъ Божіимъ, такъ какъ онѣ, по ихъ словамъ, не только забыли то, что учили въ школѣ, но плохо помнятъ даже грамоту. Начались уроки въ свободные отъ фабричной работы часы, причемъ дѣвушки выказали столько охоты и прилежанія, что въ теченіе зимы былъ ими пройденъ курсъ Закона Божія въ объемѣ начальнаго училища. Объ этомъ узналъ Ярославскій архіерей, нарочно пріѣхавъ весною на занятія, и, проэкзаменовавъ работницъ, похвалилъ ихъ, замѣтивъ, что онѣ знаютъ Законъ Божій лучше приходскихъ учениковъ.

На другой годъ работницы просили о. Ѳеодора Успенскаго не оставлять уроковъ, потому что, по ихъ словамъ, занятія Закономъ Божіимъ укрѣпляютъ ихъ въ жизни и даютъ успокоеніе; онѣ просили теперь разъяснить имъ ихъ сомнѣнія относительно „новой“ и „старой“ вѣры. Вслѣдствіе этихъ просьбъ о. Ѳеодоръ сталъ имъ читать послѣдовательныя правильныя лекціи

о расколѣ, выясняя давнишній старый споръ его съ православіемъ, основные догматы и ихъ защиту, такъ какъ работницы жаловались, что старовѣры любятъ съ ними спорить, а онѣ не знаютъ, что имъ отвѣчать.

Краткій курсъ расколовѣдѣнія былъ пройденъ съ полнымъ успѣхомъ, но дружба, возникшая въ средѣ добровольныхъ ученицъ, не могла заглухнуть съ окончаніемъ лекцій. Простыя фабричныя работницы захотѣли образовать изъ себя братство съ цѣлью взаимной нравственной поддержки, устройства своей жизни какъ-нибудь болѣе похристіански и для того, чтобы имѣть возможность вмѣстѣ сообща оказать помощь тамъ, гдѣ безсильна помощь одного человѣка. Среди фабричнаго однообразнаго, одурманивающаго труда, ужасовъ пьянства и разгула черни, гдѣ жертвами являются дѣти и болѣе слабыя женщины, это женское братство выросло страннымъ цвѣткомъ, внесшимъ благоуханіе доброй женской души туда, гдѣ такъ благотворна всякая помощь.

Бѣдныя работницы, удѣляя крохи отъ своего заработка, наняли квартирку, куда

помѣстили нѣсколькихъ маленькихъ дѣтей, взятыхъ отъ пьянствующихъ матерей. Онѣ сами ухаживали за дѣтьми, устроивъ очередное дежурство, и присоединили къ этому маленькому приюту ясли, куда другія фабричныя женщины въ часы своей работы стали отдавать дѣтей. Разныя постороннія лица начали принимать участіе въ этомъ учрежденіи и помогать. Первоначальная квартирка переселилась потомъ въ отдѣльный двухъ-этажный домикъ, очень чисто и аккуратно содержимый.

Это братство хлопотало о томъ, чтобы получить оффиціальное названіе „миссія фабричныхъ сестеръ милосердія“, но духовныя власти нашли въ словѣ „миссія“ что-то сектантское и дали какое-то другое названіе. Но фабричныя сестры существуютъ до сихъ поръ, воспитываютъ покинутыхъ дѣтей, спасаютъ своихъ подругъ, колеблющихся и ступающихъ на наклонную плоскость. Мнѣ кажется, что фактъ возникновенія фабричныхъ сестеръ милосердія имѣетъ нѣкоторое значеніе. У насъ такъ много говорятъ о томъ разлагающемъ вліяніи, которое вноситъ фабрика въ окружающее ее рабочее населеніе, что проявле-

не въ той же разлагающейся средѣ элементовъ отпора и нравственной стойкости должно быть очень важно; слѣдовало бы и на другихъ фабрикахъ, при мало-мальскихъ симптомахъ чего-либо подобнаго, лелѣять возрастаніе подобнаго рода миссій. Конечно, искусственнымъ путемъ трудно создать такое учрежденіе и ожидать отъ него жизненности.

На одномъ изъ воскресныхъ собесѣдованій съ фабричными работницами мнѣ удалось присутствовать. Пожилой и худой о. Ѳедоръ, со сторбленной высокой фігурой, сидѣлъ за маленькимъ столомъ въ классной комнатѣ пріюта. На партахъ, тѣсно сжавшись, сидѣло множество фабричныхъ женщинъ, старыхъ и молодыхъ. Это были самыя разнообразныя лица, блѣдныя, съ рѣзкими морщинами, изможденныя и дѣтьми, и работой въ камерахъ, насыщенныхъ взбитой пылью отъ хлопковъ ваты, подъ неумолчный грохотъ машинъ и тысячи станковъ. Были некрасивыя, неправильныя лица молодыхъ дѣвушекъ, преждевременно старящихся въ монотонной работѣ. Румяныя, свѣжія лица были только у

маленькихъ пріютскихъ дѣтей, которыя ползали по полу, сидѣли на колѣняхъ у слушательницъ и передавались ими съ рукъ на руки. О. Ѳедоръ мѣрнымъ, тихимъ голосомъ говорилъ объясненіе на только что прочитанный отрывокъ изъ Евангелія. Когда онъ кончилъ, начался перекрестный разговоръ по поводу разныхъ неурядицъ, происшедшихъ въ нѣкоторыхъ фабричныхъ семьяхъ. Разговоръ былъ въ родѣ слѣдующаго: „Ну что Симониха?“ „Да все убивается. Онъ приходитъ домой, — шумитъ, все на полъ бросаетъ; вы бы, батюшка, поговорили и успокоили его. Ей мы говорили, я и Марья Степановна, что потерпи, дескать, и лаской обойдись съ нимъ“. „У Харитоновны мальчишка расхворался“. „Лукина дѣтей своихъ бросила, загуляла, на работу не ходитъ, ребята по улицѣ бѣгаютъ, нужно бы ихъ въ пріютъ помѣстить“, и т. д. Совмѣстно обсуждаются мѣры, съ кѣмъ поговорить, за кого попросить передъ конторой, у кого подежурить и т. п.

С. А. Рачинскій.

Русь еще не оскудѣла людьми, занятыми созидательной работой, которые, какъ пчелы, строятъ одну ячейку за другой въ громадномъ ульѣ нашей народной жизни. Эти „созидатели“ отыскиваютъ и поддерживаютъ прочныя и здоровыя основы народной жизни, которыя никому не удастся расшатать до тѣхъ поръ, пока только будетъ стоять русское государство. И тѣ люди, которые смиренно работаютъ, вѣря въ свои идеалы, заслуживаютъ большаго общественнаго вниманія, такъ какъ они оставляютъ завѣты будущему и передаютъ свѣтъ новымъ поколѣнιάмъ, при которыхъ тѣмъ при-

дется работать. „Созидатели“ при жизни никогда не пользуются ни поклоненіемъ, ни шумнымъ успѣхомъ, но это — общая участь всѣхъ искреннихъ и плодотворныхъ дѣятелей, заботящихся о чужомъ, а не личномъ благѣ и поэтому оставившихъ попеченіе о собственной рекламѣ и выгодахъ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ русскихъ дѣятелей, знатоковъ всей глубины русской жизни народной и „учителей вѣка“ является профессоръ и сельскій учитель — Сергѣй Александровичъ Рачинскій.

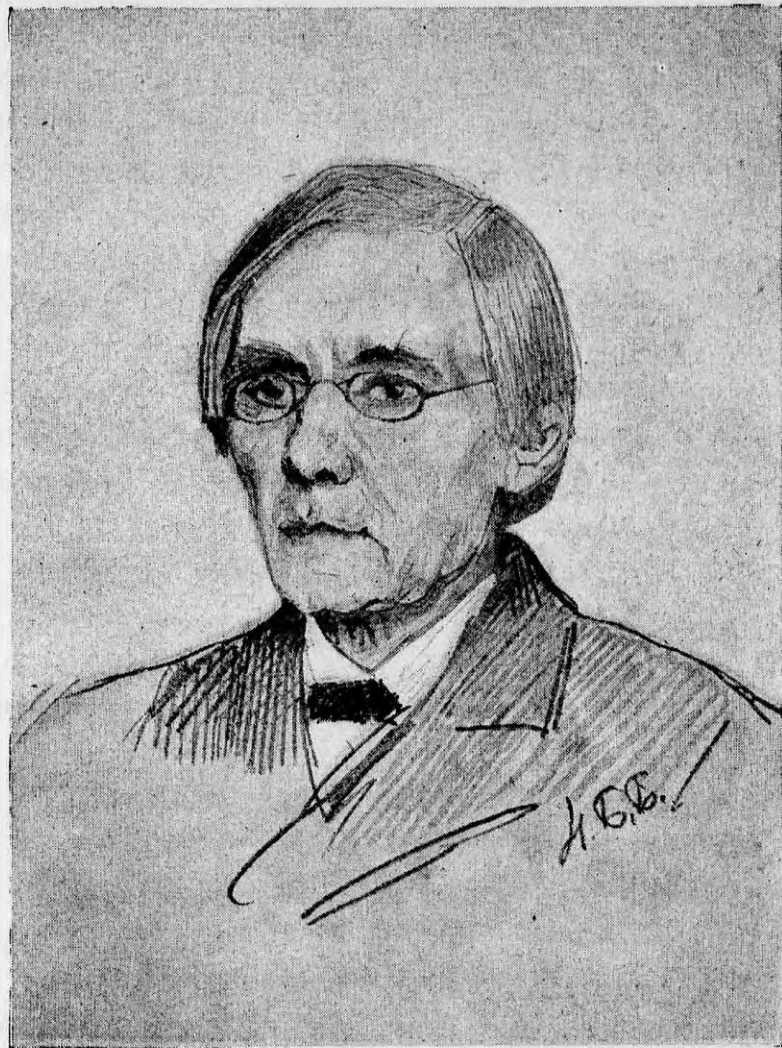
О Рачинскомъ слѣдовало-бы говорить очень и очень подробно, но трудно это въ полномъ объемѣ сдѣлать по отношенію къ человѣку, нынѣ живущему и работающему. Таковая оцѣнка его дѣятельности послѣдуетъ, надѣюсь, еще не скоро, такъ какъ много можетъ и долженъ еще совершить этотъ замѣчательный человѣкъ, учитель вѣка, для современнаго намъ поколѣнія.

Племянникъ поэта Баратынскаго, другъ первыхъ славянофиловъ и преемникъ ихъ по своимъ убѣжденіямъ и дѣятельности, С. А. Рачинскій принадлежитъ по рожденію къ старо-дво-

рянской части нашего общества. После обширной научной подготовки дома и за границей, онъ былъ 9 лѣтъ профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ. Приѣзжая въ свободное время въ свое родовое Татевое (Смоленск. губ., Бѣльскаго у.), Рачинскій заинтересовался народной школой въ своемъ имѣніи. Первымъ-же его наблюдениемъ было то, что народная школа страдаетъ нѣкоторымъ кореннымъ недостаткомъ, который состоитъ въ чемъ-то болѣе важномъ, чѣмъ неудовлетворительные приемы преподаванія. С. А. бросилъ университетскую дѣятельность, оставилъ всѣ привычки и удобства и переселился въ школьный домъ, начавъ жить одною жизнью съ крестьянскими дѣтьми.

Разсказываютъ, какъ достоверный фактъ, что училищное начальство первоначально будто-бы не разрѣшало Рачинскому преподавать, за неимѣніемъ соответствующаго диплома. Поэтому бывшій профессоръ ѣздилъ въ уѣздный городъ и держалъ экзамень на званіе сельскаго учителя.

— Много не дается и не удается намъ, — говоритъ Рачинскій, — именно

С. А. Рачинскій.

Рисунокъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго.
его воспитанника и ученика.

потому, что мы боимся показаться смѣшными и странными. Побѣда надъ этою боязнью уже сама по себѣ есть великая побѣда, ибо удесятѣряетъ наши средства дѣятельности, охраняетъ ту смѣлость, которая города беретъ. Но кромѣ боязни смѣшного, есть другая боязнь, гибельная для всякаго пракческаго дѣла. Это — боязнь труда, не обѣщающаго вѣрныхъ результатовъ, боязнь предпріятій, коихъ успѣхъ неправдоподобенъ. Все хорошее трудно, все прекрасное неправдоподобно. Этому нужно покориться, но все-таки словомъ и дѣломъ, неусыпно и неустанно работать надъ тѣмъ, что неправдоподобно и трудно, ибо изъ за вещей правдоподобныхъ и легкихъ не стоитъ жить на свѣтѣ...

Рѣшеніе Рачинскаго посвятить себя деревнѣ состоялось въ 1875 году. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ почти безвыѣздно въ своемъ Татевѣ, занимаясь обученіемъ и воспитаніемъ ребятъ и тратя на нихъ всѣ свои средства.

Съ самага-же начала онъ могъ найти удовлетвореніе своей дѣятельности: отрадно ему было работать, когда онъ увидѣлъ, что умственные и художе-

ственные способности крестьянскихъ дѣтей, — какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, — очень высоки, что разнообразныя дарованія скрываются подъ бѣдными разодранными зипунишками. „Способности эти разнообразны, — замѣчаетъ Рачинскій, — но преобладаютъ замѣтно способности математическія и художественныя. Музыкальная даровитость нашихъ крестьянъ поистинѣ изумительна. Ничуть не менѣе распространена другая художественная способность, которая, при нынѣшнемъ зачаточномъ состояніи нашей сельской школы, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ возможность проявляться, — способность къ рисованію. Количество дремлющихъ художественныхъ силъ, таящихся въ нашемъ народѣ, — громадно, но о немъ пока можетъ составить себѣ приблизительное понятіе лишь внимательный сельскій учитель“.

Рачинскій убѣдился, что указанный коренной недостатокъ народной школы состоялъ въ томъ, что школа была не національна, не была построена на началахъ русской народной жизни. И этотъ необыкновенный сельскій учитель, положивъ во главу угла націо-

нальное воспитаніе, создалъ истинный типъ русской сельской школы, отвѣчающій особому культурному сложению нашего народа, особенностямъ его психики и вѣрованіямъ.

С. А. рѣшился давать послѣдующее образованіе наиболѣе способнымъ ученикамъ своей школы. Дѣло это, конечно, очень отвѣтственное: „Оторвать отъ сохи крестьянскаго мальчика, въ предположеніи, что изъ него разовьется самостоятельный художникъ, — изъ глухой деревенской среды бросить его въ мутную жизнь столицы, въ пеструю толпу воспитанниковъ нашихъ художественныхъ школъ, — это значитъ брать на себя страшную отвѣтственность, — ибо какъ безошибочно угадать въ ребенкѣ ту степень таланта, ту силу характера, которыя необходимы для успѣшнаго художественнаго поприща?“

Рачинскій рѣшился направить на художественную дѣятельность трехъ изъ мальчиковъ, обучавшихся въ той группѣ сельскихъ школъ, за коими онъ имѣлъ возможность слѣдить. На свои средства онъ воспитывалъ мальчиковъ: одинъ изъ нихъ (Петерсонъ), изъ обрусѣвшихъ латышей, оказался прекрас-

нымъ иконописцемъ, былъ назначенъ учителемъ рисованія въ школу Новикова въ Козловск. уѣздѣ, Тамбовск. губерніи, но простудился и умеръ очень молодымъ.

Другой оказался неудачникомъ, но за то третій воспитанникъ, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, доставилъ, можно полагать, много нравственнаго удовольствія безкорыстному С. А. Рачинскому. Окончивъ Академію Художествъ, онъ выставилъ нѣсколько очень интересныхъ картинъ, одна изъ которыхъ „Воскресное чтеніе въ школѣ“ находится въ музеѣ Императора Александра III; среди нынѣшнихъ передвижниковъ имя Богданова-Бѣльскаго привлекаетъ къ себѣ много вниманія. Картины его, главнымъ образомъ, изъ крестьянской жизни: „Послѣднія распоряженія“, „Нищій у дверей школы“, „Будущій инокъ“, „Устный счетъ“ и др.

Но С. А. не ограничился этимъ. Съ самаго начала своей учительской дѣятельности онъ сталъ давать дальнѣйшее движеніе и образованіе выдающимся ученикамъ Татевской и сосѣднихъ школъ; частью выводитъ онъ ихъ въ учителя или священнослужители,

частью-же приготовляетъ и отдаетъ въ различныя училища. Другимъ-же доставляетъ мѣста управляющихъ, приказчиковъ и т. п.

Особенную и величайшую важность представляютъ стремленія Рачинскаго изъ крестьянскихъ мальчиковъ образовывать учителей и религіознымъ изъ нихъ, — которыхъ тянетъ къ Церкви и духовнымъ подвигамъ, — дать возможность примкнуть къ служителямъ алтаря.

Вопросъ этотъ очень важенъ. Дать возможность пройти въ ряды духовенства тѣмъ, кому нравится это призваніе, это значитъ освѣжить и упорядочить печальныя условія положенія нашего духовнаго сословія, которыя теперь устарѣли, стали неудобны и несвоевременны. Рачинскій говоритъ слѣдующее: „Священники наши плохи. Наше духовенство чахнетъ и гибнетъ медленною, позорною смертію, похожею на самоубійство. Долго замкнутое въ строгую касту, оно постоянно выдѣляло и продолжаетъ выдѣлять изъ себя всѣ живыя силы, сохраняя въ своихъ нѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія силь-

ныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ“.

Между тѣмъ, можно-ли упрекать въ чемъ-бы то ни было человѣка, которому предназначена его будущая дѣятельность разными формальностями и обусловленностями, а не предоставленъ свободный выборъ любимой профессіи или симпатичнаго ему дѣла?

„Дивиться нужно скорѣе тому, что у насъ встрѣчаются сельскіе священники (и число ихъ не мало!), въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо“.

Въ наше время и сельскій учитель, и священникъ, и даже гимназическій учитель не привлекаютъ къ себѣ ни симпатій публики, ни ея уваженія. Даже сравнивать нельзя отношенія нашего общества къ этимъ благороднымъ и высокимъ профессіямъ съ тѣмъ почетнымъ положеніемъ, которымъ пользуется народный учитель и пасторъ въ Германіи, Швеціи, Даніи, даже въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ. Причина такого полупрезрительнаго покровительственнаго отношенія, которое позволяетъ себѣ принимать всякій

россійскій обыватель, мнящій и называющій себя „интеллигентомъ“, лежитъ именно въ рецидивѣ необразованности этого интеллигента, а не въ учащемъ персоналѣ. Русскій крестьянинъ въ своемъ почтительномъ отношеніи къ учителю и священнику стоитъ гораздо выше и нерѣдко оказывается культурнѣе такъ называемаго „интеллигента“.

„Наши духовныя училища, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, имѣютъ передъ учебными заведеніями свѣтскими громадное преимущество. Они, не предрѣшая судьбы своихъ учениковъ, ставятъ передъ ними цѣль духовную, пріобрѣтеніе *званія несравненной нравственной высоты, обставленнаго униженіемъ и бѣдностью*.. Но въ глазахъ крестьянина бѣдность сельскаго священника есть *богатство*, возможность удовлетворить той духовной жаждѣ, которая не по днямъ, а по часамъ растетъ въ его темной средѣ—*удѣлъ святой и высокій*“.

Стремящіеся къ самоотверженной учительской дѣятельности и къ еще болѣе высокому подвигу священства часто встрѣчаются среди крестьянъ. Учительство въ русской школѣ — призваніе, но не ремесло, — низшая сте-

пень того призванія, которое нужно, чтобы сдѣлаться хорошимъ священникомъ. Рачинскій сталъ давать дальнѣйшее образованіе способнѣйшимъ своимъ ученикамъ, и теперь уже болѣе 40 изъ нихъ самостоятельно учительствуютъ, другіе состоятъ діаконами и священниками: о. Александръ Васильевъ небезызвѣстенъ по своей энергичной дѣятельности въ Петербургѣ. Въ селѣ Дровнинѣ, Гжатскаго уѣзда, возникла учительская семинарія, гдѣ бывший ученикъ и помощникъ С. А. Рачинскаго — В. А. Лебедевъ подготавливаетъ очень успѣшно народныхъ учителей.

„Сельскихъ учителей намъ нужно много—дѣльныхъ, непритязательныхъ, прочныхъ, исполняющихъ свое трудное дѣло съ любовью и терпѣніемъ. Контигентъ, доставляемый нашими учительскими семинаріями, качественно и количественно недостаточенъ. Школьныхъ учителей должна плодить сама сельская школа“.

Въ каждомъ уѣздѣ найдется нѣсколько школъ, представляющихъ возможность готовить учителей изъ крестьянъ, не отрывая ихъ отъ условій сельскаго быта, не дѣлая изъ нихъ чиновниковъ.

Какъ сообщаетъ философъ В. В. Розановъ, невидный трудъ Рачинскаго увлекъ и увлекаетъ многихъ: „Татевое стало разсадникомъ школъ, такъ сказать, материнскою школою, отъ которой все новыя и новыя пчелки отлетаютъ въ сторону, но на новомъ мѣстѣ творятъ дѣло и ширятъ вѣру стараго Татева. Образовался районъ школъ родныхъ „знакомыхъ“, гдѣ трудятся люди одного духовнаго происхожденія: частью родные стараго профессора, но большею частью бывшіе ученики его школы...“ „Мы слышали,—говоритъ В. В. Розановъ,—что есть многіе люди изъ другихъ губерній, изъ незнакомыхъ мѣстностей, которыя обращаются къ Рачинскому съ просьбою дать для сельской школы учителя его выучки и направленія. И такимъ образомъ, безъ регламентаціи, „штатовъ“ и жалованья, выросъ нѣкоторый и притомъ общерусскій „учительскій институтъ“, т.-е. институтъ учительскаго труда, учительской практики, идеаловъ и завѣтовъ“.

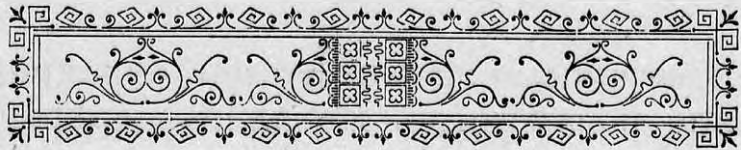
Татевская школа находится возлѣ церкви, — сейчасъ за оградой парка, окружающаго старинный домъ Рачин-

скихъ. Въ школѣ—нѣсколько комнатъ; изъ нихъ классная очень просторная, съ высокимъ потолкомъ. Учится въ ней больше 60 дѣтей, изъ нихъ около 30—изъ дальнихъ деревень, живущихъ въ самой школѣ. Меня поразило въ ней особенное настроеніе учениковъ,—это было тихое счастье дѣтей, странное въ наше время, любовное, братское и почтительное отношеніе другъ къ другу. Была замѣтна торжественность настроенія, точно это была не школа, а церковь, хотя я былъ въ школѣ вечеромъ въ субботу, когда никакихъ занятій не было. Къ С. А. Рачинскому ребяташки относятся какъ къ любимому и доброму „дѣдушкѣ“, довѣрчиво обступаютъ его,—совершенно не такъ, какъ обыкновенно дичатся деревенскіе ребята передъ „бариномъ“.

Я видѣлъ нѣсколькихъ учительствующихъ бывшихъ учениковъ Рачинскаго. Отъ всѣхъ нихъ вѣяло чѣмъ-то искреннимъ и честнымъ. Я глядѣлъ въ задушевные глаза этихъ людей, поднявшихся, вышедшихъ изъ народной массы, но не порвавшихъ ни одной изъ нитей, связывающихъ ихъ съ коренной народной силой, съ зем-

лей-матушкой, и мнѣ было отрадно и тепло возлѣ нихъ. Казались невѣроятными и раздутыми всѣ толки о вырожденіи великорусской народности: эти люди—не собьются съ дороги, не пропадутъ, съ ними не оскудѣетъ земля...

С. А. Рачинскій теперь уже старъ и слабъ и, вслѣдствіе нездоровья, недавно оставилъ школьныя занятія и переселился въ свой домъ. Въ школѣ съ нимъ дѣлались головокруженія и обмороки, и онъ волей-неволей долженъ былъ передать школу своимъ молодымъ помощникамъ. Но, не смотря на слабость его здоровья, отъ него вѣетъ неугасимой душевной бодростью и энергіей: глаза его горятъ юношескимъ огнемъ. Бываютъ рѣдкіе люди, удивительной чистоты и возвышенности души, которые облагораживаютъ всякаго, кто говоритъ съ ними; ихъ душевный міръ—это священный храмъ, входя въ который вы забываете мелочность и пустоту жизни и становитесь передъ высокими цѣлями, святыми помыслами и глубочайшими запросами духа. Къ чилу такихъ лицъ нужно причислить и С. А. Рачинскаго.

Странники.

I. Тоска.

Бываютъ тягостныя ночи,
Безъ сна горять и плачуть очи,
На сердцѣ жадная тоска.

Лермонтовъ.

Вѣтеръ несъ по сухой степи тучи пыли, стремительно налеталъ, трепалъ платье и едва не сбивалъ съ ногъ. Съ запада ползли темныя облака, надвигая грозу, а наверху небо еще было свѣтло бирюзовое и солнце жгло яркими весенними лучами. Холмистая степь, на которой едва начинала пробиваться трава, пустынно растянулась кругомъ, сѣрая мертвая, съ потрескавшейся землей и высохшими кустами колючаго бурьяна.

Впереди недалеко роща съ прозрачными сквозистыми деревьями, на которыхъ только начинаютъ лопаться клейкія почки. Сквозь деревья виденъ какой то сарай, — въ немъ можно укрыться. Въ рощѣ вѣтеръ съ свистомъ проносится по обнаженнымъ вершинамъ деревьевъ, которыя качаются съ жалобнымъ скрипомъ.

Сарай сложенъ изъ неровныхъ жердей, оставляющихъ широкія щели, и покрытъ хворостомъ и дерномъ. Внутри сарая навалено сухое сѣно. Въ сараѣ раньше была дверь, но она оторвана и лежитъ рядомъ на землѣ.

Когда первыя капли дождя забарабанили по сухимъ листьямъ на землѣ, я легъ на сѣно и заснулъ подъ монотонный шумъ дождя, прерываемый раскатами грома.

Прошло, вѣроятно, много времени, я очнулся при звукахъ человѣческаго голоса. Говорили двое, одинъ старческій дрожащій голосъ, другой молодой:

— Ты хочешь счастья? Ты его не найдешь. Знаешь, сдѣлай что, — отвернись отъ всего и забудь о счастьѣ, и тогда вдругъ счастье побѣжитъ за тобой и будетъ здѣсь, рядомъ съ тобой, и въ тебѣ самомъ.

— Амвросій, мнѣ тяжело. Мнѣ какъ то душно, меня тоска мучить такая, что я не выдержу и не знаю, что съ собой сдѣлаю.

— Тоска! Что такое тоска? Тоска есть у всякаго. На доньшкѣ у всякаго лежитъ тоска. Это ядовитыя капли. А ты ее не взбалтывай, береги, заваливай сверху, не давай всходить на верхъ. Если мы не будемъ тушить тоску, она насъ одолѣетъ и жить нельзя будетъ. Если тоска всплываетъ, все тѣло загорается и мысли горятъ, и жжетъ что то. А ты сдержи себя, желѣзные вериги наложи на плечи, сдави у себя всѣ помыслы и мечтанія и стань степенный, сдержанный и холодный.

— И у тебя, Амвросій, тоска бываетъ?

— У меня-то? У меня она не смѣетъ явиться. Я свою душу въ рукахъ держу.

— Ну, вотъ я теперь хожу съ тобой по святымъ мѣстамъ, молюсь, накладываю на себя тяжести, изнуряюсь постомъ, исполняю обѣты, а какъ подумаю о домѣ, сердце перевернется и кровью обливается. Ты знаешь, что теперь дѣлается дома? Я себѣ ясно все представляю какъ на яву.

Я думаю такъ: теперь вечеръ. Отецъ въ кабинетѣ сидитъ за большимъ своимъ столомъ, окруженный книгами. Онъ какъ всегда въ золотыхъ очкахъ. Четыре свѣчи горятъ подъ зеленымъ абажуромъ. Я бы такъ хотѣлъ теперь тихо, тихо войти въ кабинетъ, чтобы ему не помѣшать. Кругомъ по стѣнамъ стоятъ полки и шкафы съ книгами, въ темныхъ переплетахъ. Я бы тихонько подошелъ, выбралъ интересную книгу и затѣмъ сѣлъ въ кожаное большое кресло рядомъ со столомъ и сталъ бы читать. А отецъ бы замѣтилъ, что я здѣсь, и спросилъ бы строго, глядя поверхъ очковъ: „Гдѣ же ты былъ три года?“

— „Странствоваль, скажу я.

— „Что же ты дѣлалъ?

— „Ходилъ по монастырямъ, церквамъ и святымъ городищамъ.

— „Что же ты хорошаго за это время сдѣлалъ?

— „Хорошаго?“ Что ему сказать, я и не знаю. Амвросій, помоги мнѣ, что ему сказать?

— Эхъ, Николай! Вижу я, тоскуешь ты сегодня.

— Я говорю что? Я хочу пользу

принести, я хочу дѣлать добро, я хочу душу свою положить за други свои.

— Подожди, Николай, и твой чередъ придетъ.

— Ну, слушай, Амвросій, что у насъ еще дома дѣлается. Въ залѣ сумерки, мебель чехлами покрыта, сквозь окна синеватый свѣтъ льется, рояль открытъ, за нимъ сидитъ сестра и играетъ... Амвросій! Какъ давно слышалъ я хорошую музыку. Ты знаешь, что такое сонаты Бетховена? Кто то другой красивыми звуками рассказываетъ тебѣ самыя твои заповѣдныя мечты, которыя ты никому не говоришь; онъ показываетъ тебѣ твои мечты такими живыми, такими близкими; и какъ самоцвѣтные камни они переливаются передъ тобой разными огнями. Счастье кажется возможно: музыка и плачетъ, и улыбается, и ты знаешь, что это только музыка, только красивые звуки, и, какъ мыльные пузыри, они переливаются радугой и лопаются.

— Нѣтъ, не понимаю я этого. Забылъ, вѣрно. Было время, давно уже назадъ, и я о счастье думалъ. Помогли лучше, Николай.

Голоса замолкли. Долго длилось молчаніе. Я осторожно придвинулся къ стѣнѣ и сталъ смотрѣть въ щель. Передо мной видны были обнаженные деревья съ нависшими каплями дождя, невысокія сосенки съ длинными иглами, полными воды и корявая ель съ вылѣзшими изъ земли кривыми корнями. Подъ густыми вѣтвями ели на колѣняхъ стоялъ горбатенькій старичокъ. Онъ стоялъ въ неподвижной позѣ, поднявъ голову съ рѣдкой сѣдой бородкой и устремивъ свѣтлые глаза къ небу. Онъ былъ такъ же неподвиженъ, какъ ель, обрызганная росой, и его грубый армякъ, разодранный и въ заплаткахъ, былъ такого же бураго цвѣта, какъ и еловые корни. На елкѣ, на сучкѣ, передъ нимъ висѣла мѣдная икона.

Отодвинувшись отъ стѣны, я опять легъ на сѣно. Слышны были капли дождя, изрѣдка падавшія съ вѣтвей на землю. Мнѣ хотѣлось поговорить съ таинственными странниками, но я не могъ нарушить молитвы старика и прислушивался, стараясь уловить какое-либо движеніе. Въ это время слышались новые голоса.

— Здѣсь можно укрыться. Что же по дождю идти!

— А тутъ люди какіе то.

— Ну, и хорошо. Съ ними и дальше поидемъ. Скопомъ къ вечеру лучше идти.

II. Скитальцы.

Въ дверяхъ сарая показалась высокая смуглая дѣвушка въ темной сермягѣ, темные расширенные глаза смотрѣли робко и въ тоже время точно имѣя внутреннюю, скрытую отъ людей мысль. Въ рукѣ у ней былъ посохъ и котомка за спиной. Возлѣ нея показался высокій сторбленный старикъ, босой, тоже съ котомкой, къ которой были подвѣшены сапоги.

— Да и тутъ человѣкъ есть, скажь онъ. Здравствуй, молодецъ хорошій.

— Здравствуйте. Заходите обсужиться.

— Огоньку бы развести.

Старикъ вошелъ въ сарай, сложилъ на землю котомку и сталъ вытаскивать сучья изъ груды хворосту и жердей, наваленной въ углу. Дѣ-

вушка, не снимая котомки, сѣла на порогѣ. Старикъ сложилъ костеръ возлѣ входа, подложилъ клокъ сухого сѣна и быстро развелъ огонь. Дѣвушка тогда сняла свою сермягу и подсѣла къ костру, глядя на огонь задумчивыми темными глазами. Старикъ, сѣвъ на землю возлѣ костра, сталъ раскуривать большую трубку. Грѣясь возлѣ огня, онъ, видимо, чувствовалъ себя хорошо, промокнувъ передъ тѣмъ на дождѣ, и сталъ словоохотливъ. Онъ разсказалъ, что зовутъ его Ѳомой Пинчукомъ, что былъ онъ солдатомъ, участвовалъ въ восточной войнѣ, теперь идетъ на богомолье къ Троицъ-Сергію, а оттуда въ Кіевъ, а дальше въ Одессу на пароходъ, который повезетъ въ Іерусалимъ; жить ему вѣроятно уже не долго, а передъ смертью хочетъ помолиться.

— А это — Настя Плотникова, идетъ отца своего искать въ Казань. Она изъ сосѣдней деревни; отца ея Трифона хорошо знаю, мы съ нимъ знакомы. Хорошій, степенный мужикъ, да вотъ запропастился куда то.

Я прислушивался все время и ждалъ, когда появятся тѣ два странника, мо-

лодой и старикъ, говорившіе за стѣной. Они скоро показались передъ сараемъ, но съ котомками за плечами, какъ будто собираясь уходить. Старикъ Амвросію, видимо, понравился огонекъ и ему хотѣлось погрѣться; молодой же его спутникъ уговаривалъ лучше пойти дальше; но въ концѣ концовъ уступилъ, такъ какъ и солдатъ сталъ тоже приглашать къ огоньку. Они оба сложили у стѣны котомки, Амвросій подсѣлъ къ старикъ солдату, а Николай оглядѣлъ всѣхъ разсѣяннымъ взглядомъ и вышелъ изъ сарая. Нѣкоторое время онъ стоялъ въ дверяхъ и задумчиво глядѣлъ въ даль, въ степь, виднѣвшуюся между деревьями. Онъ былъ высокъ и тонокъ, съ немного узкими плечами; бурая сермяга, висѣвшая широко на немъ, не закрывала его тонкой и длинной шеи. Онъ былъ смугль, съ темными глазами, глядѣвшими разсѣянно. Но не смотря на бѣдную сермягу и неуклюжіе лапти, отънокъ благородства замѣчался во всѣхъ его движеніяхъ и манерѣ говорить.

Николай прошелъ на опушку роци, и сталъ глядѣть на широкую равнину,

растилавшуюся до горизонта. Я подошелъ къ нему и рассказалъ, какъ я началъ ходить и какъ записываю пѣсни и преданія. Онъ назвалъ себя Николаемъ Стренджемъ.

— Пошелъ я къ мужикамъ, потому что меня тянуло къ нимъ, мнѣ хотѣлось бродить среди странниковъ, богомольцевъ, быть между толпой въ народѣ, великомъ и загадочномъ, который таитъ въ себѣ неизвѣстныя силы, который намъ не вѣдомъ, но которому мы всѣ должны служить. А затѣмъ, у меня также обѣтъ обойти нѣкоторыя святыя мѣста и помолиться.

— А давно вы ходите?

— Уже нѣсколько лѣтъ. Сперва я ходилъ одинъ, но потомъ на счастье мнѣ встрѣтился старичекъ Амвросій, который уже много лѣтъ переходитъ по Руси, отъ одной обители къ другой. Я хожу теперь съ нимъ вдвоемъ. Амвросій дивный человекъ; душа его кроткая какъ у ребенка, онъ очень много видѣлъ, умѣетъ инстинктомъ чувствовать людей и у него отчасти есть странная способность предвидѣнія. Во многихъ мѣстахъ его мужики принимали то за юродиваго, то за свя-

того. Ходя съ нимъ, я точно имѣю рядомъ съ собой мою совѣсть, и этотъ горбатенькій, робкій старичекъ меня охраняетъ своей душой больше и лучше, чѣмъ какая бы то ни было сила.

Стренджъ говорилъ, что онъ все-таки не чувствуетъ еще себя „своимъ“. Стренджъ такъ описывалъ свои ощущенія:

— Представьте себѣ, что впереди незнакомая деревня, въ которую мнѣ нужно войти, и знакомое чувство охватываетъ меня. Много я уже ходилъ, и передъ каждой деревней, въ которой хотѣлъ остановиться, у меня на мгновение сжимается сердце.

Большихъ стараній стоитъ выработать въ себѣ умѣніе производить впечатлѣніе прохожаго и „своего“ человека; тому, кто говоритъ смѣло и весело, толпа и довѣряетъ, и забываетъ свою обыкновенную подозрительность.

Было время, когда мужики были робкіе, забитые, когда они и пню молились и каждой бляхѣ кланялись. Прошло сорокъ лѣтъ. Мужики оправились. Люди, видѣвшіе барщину, доживаютъ свой вѣкъ. Выросло новое поколѣніе, не тронутое, свободное, не пробо-

вавшее крѣпостной узды. Каждый мужикъ изъ новаго поколѣнія уже самъ себя называетъ баринномъ: „одинъ баринъ надъ другимъ баринъ, а я самъ надъ собой баринъ“. Каждый крестьянинъ обратился въ маленькаго помѣщика; хозяинъ надъ своимъ кускомъ земли и своимъ домомъ, онъ ко всему остальному міру относится съ полной самостоятельностью и большимъ самоуваженіемъ. Крестьяне вступили въ новый фазисъ исторіи, который, несомнѣнно, чреватъ большими результатами, и весь этотъ хаотическій міръ представляетъ сплошную массу новыхъ русскихъ гражданъ.

Стренджъ замолкъ. Надъ степью угасала багровая заря и загорались кое гдѣ огоньки дальнихъ костровъ.

Мы вернулись къ странникамъ. Солдаты и Амвросій лежали на землѣ возлѣ костра, положивъ котомки подъ голову. Настя лежала поодаль и глядѣла на костеръ большими темными глазами.

III. Голодающіе.

— Пріѣхалъ къ намъ въ село,—разсказывалъ солдатъ,—молодой человекъ голодъ изслѣдовать. Чего тамъ нужно еще голодъ изслѣдовать? Голодающій —такъ голодающій, невидаль, что ли? Говоритъ онъ: „Гдѣ же у васъ голодъ? У васъ деревня ничего,—мальчишки въ бабки играютъ, все какъ слѣдуетъ“. Одинъ мужикъ говоритъ — „голодающіе по улицѣ не гуляютъ, они по избамъ прячутся“. Пошелъ онъ въ первую избу, мужикъ съ печки слѣзъ. — „Ты чтожь, голодаешь?“ спрашиваетъ онъ. — „Такъ точно, отвѣчаетъ, всѣ терпимъ“. — „Покажи избу“. Одинъ мужикъ полѣзъ въ подполье и нашелъ тамъ мѣшокъ луку.—„Ну какой же ты голодающій? Поѣзжай на базаръ, лукъ продашь, а хлѣба купишь“. — „Такъ точно, отвѣчаетъ мужикъ, это и мы знаемъ, что лукъ продать можно и хлѣба купить. А вотъ когда этотъ купленный хлѣбъ съѣдимъ, дальше что?“ А ста-

рикъ у насъ есть, навязчивый очень, пристааетъ онъ и говоритъ: „Въ баню непременно сходить нужно“. — „На что?“ — „Икру посмотрѣть. Голодающій отоцалъ очень. Въ лаптяхъ не видно, а какъ въ баню пойдешь, такъ видать, что мужикъ безъ икры, просто ни одного сурьезнаго мужика съ икрой не найдешь, окромѣ развѣ только у одного вашего степенства“.

Солдатъ накрылся сермягой и закрылъ глаза. Амвросій тоже дремалъ, Настя спала. Костеръ, догорая, вспыхивалъ красными огоньками, и по стѣнѣ и крышѣ шевелились большія тѣни.

— Мнѣ пришлось теперь много пробыть въ тѣхъ мѣстахъ. гдѣ теперь голодъ, и я удивляюсь тому смиренію и въ тоже время сильной волѣ, которую проявляли голодающіе мужики. Ницше ничего не понимаетъ въ томъ, что такое смиреніе. Онъ борется противъ ханжества и заискиванья, а стегааетъ по смиреннымъ, у которыхъ больше мужества и силы воли, чѣмъ у наглыхъ и крикливыхъ.

Николай вынулъ изъ своей сермяги записную книжку и прочелъ:

. . . скромно обнять маленькое счастье — это они называютъ «смирениемъ», и при этомъ они смиренно косятся на новое маленькое счастье. Въ глубинѣ души они, въ большинствѣ случаевъ, простодушно желаютъ только одного: чтобы никто не задѣлъ ихъ. И они забѣгаютъ передъ каждымъ со своими услугами. Но это есть трусость, — хотя бы она называлась добродѣтелью.

Къ чему такъ мягко, такъ уклончиво! Къ чему такъ много отреченія, самоотреченія въ сердцахъ вашихъ! И если не хотите вы быть рокомъ и неумолимыми: какъ могли бы вы побѣждать!

Добродѣтелью считается у нихъ то, что дѣлаетъ скромнымъ и ручнымъ: поэтому они изъ волка сдѣлали собаку, а самого человѣка превратили въ человѣческое домашнее животное. — «Мы помѣстили сидѣнье наше посрединѣ», говоритъ мнѣ ихъ улыбка, — «подальше отъ умирающихъ борцовъ, какъ и отъ вседовольныхъ свиней». Но это есть посредственность, — хотя бы она и называлась умеренностью.

— Это все вѣрно сказано и какъ много у насъ этого лживаго смиренія, особенно въ интеллигенціи, отказавшейся отъ своей родины, убивающей свои убѣжденія и заискивающей передъ всѣмъ, что ей выгодно и полезно. Но у насъ есть другое смиреніе, великое и терпѣливое, — въ народѣ. Это смиреніе одерживаетъ суворовскія по-

бѣды, строить великую святую Русь и даетъ силу переносить русскія бѣды. Что такое русскій голодъ, — это великое смиреніе, самоотреченіе и умеренность.

Главный трагизмъ русскаго голода въ томъ, — сказалъ Стренджъ, — что голодъ незамѣтенъ.

Нѣтъ ни криковъ, ни стоновъ, ни шума. Жизнь идетъ какъ всегда обыкновенно, спокойно и естественно.

Крестьяне молчаливые, сумрачные, безропотно проводятъ свою однообразную жизнь. Но сегодня умереть одинъ ребенокъ въ одной избѣ, завтра двѣ бабы въ другихъ мѣстахъ, затѣмъ опять двое-трое мужиковъ, — но спокойно и незамѣтно.

Все какъ то естественно дѣлается, само собой. Люди долго сперва лежали или даже вставали, и ходили, имѣли болѣзненный видъ, а затѣмъ померли, безъ стона и жалобъ.

Но если сосчитать число больныхъ и умершихъ, то вдругъ поражаетъ ихъ громадная цифра.

Это сѣрая тихая жизнь и сѣрая смерть, уединенная и замкнутая.

Если бы валялись трупы на ули-

цахъ, если бы семьи ходили группами и кричали, то въ голодѣ не было бы уже сомнѣнія, такъ какъ голодъ билъ бы на чувства, имѣлъ бы театральнѣйшій трогательный видъ.

Но онъ тихъ, незамѣтенъ, безмолвный, терпѣливый русскій голодъ.

Будутъ ходить по улицамъ и попрошайничать и плакаться люди безъ самолюбія и чести, — какимъ скорѣе помогаютъ благотворители.

Но наши крестьяне, новые свободные русскіе граждане, горды и самолюбивы.

Всякій крестьянинъ добивается чтобы его считали „самостоятельнымъ“, какъ они говорятъ, то есть независимымъ, содержащимъ самъ себя и свою семью; такимъ онъ считаетъ себя, когда не имѣетъ долговъ, а владѣетъ извѣстнымъ достаткомъ, который даетъ ему право ни у кого ничего не просить, а обходиться своими средствами.

Крестьяне скрываютъ даже другъ отъ друга свое положеніе, показываютъ, что живутъ безбѣдно и вполне достаточно.

Поэтому во время голода гордость, самолюбіе—да и всѣ душевныя чувства

страдаютъ особенно сильно и больно. У крестьянина страдаетъ сознание того, что онъ не можетъ охранять и поддерживать семью, какъ это нужно, и медленный тихій голодъ, когда распродается все, что можно продать, когда уходятъ всѣ небольшія сбереженія прошлыхъ лѣтъ, когда урѣзываются куски и рассчитывается каждая копѣйка, когда медленно постепенно бѣднѣетъ цѣлый районъ, высасываются и истощаются жизни тысячъ спокойныхъ, терпѣливыхъ и безропотныхъ людей,—это совсѣмъ иное, чѣмъ буйная толпа черни, неспособная сама выйти изъ бѣды или перенести страданія и кричащая и требующая „хлѣба“.

Незамѣтный, безмолвный, терпѣливый русскій голодъ.

Недалеко отсюда, на рѣкѣ у берега стояла барка, на которой земство доставило хлѣбъ для голодающихъ. Съѣхались мужики съ подводами съ цѣлаго уѣзда, сотни телѣгъ запрудили весь спускъ къ рѣкѣ. Крестьяне шутили, смѣялись, были и бодры и веселы, когда таскали съ барки кули на берегъ. Всякій старался похвалиться своей

силой, таская кули, и всѣ высмѣивали тѣхъ мужиковъ, которые, истощенные и слабые, подгибались и падали подъ тяжелыми кулями. И сами падавшіе шутили и смѣялись. Не было ни одного печальнаго взгляда, ни одной жалобы. Не имѣть „духа унынія“ и быть на столько терпѣливыми и выносливыми могутъ только великіе душою люди....

Всю эту бѣлую весеннюю ночь мы говорили съ Стренджемъ, и когда стало всходить солнце, всѣ мы двинулись дальше въ путь.

СОДЕРЖАНІЕ

Не всегда клубиться небу тучами	1
Лучинушка, пѣсня	2
Голодная зима	3
Съ обозомъ	16
Старовѣрка	31
Межъ крутыхъ береговъ, пѣсня	36
Счастье	37
Дайте чернильницу, пѣсня	46
Ходаки	47
По травкѣ, по муравкѣ, пѣсня.	54
Живучіе люди	55
Высоко заря восходила, пѣсня.	66
Новая обитель.	67
У вдовушки три дочушки, пѣсня.	75
Около Новгорода	76
Въ первомъ садѣ огородъ, пѣсня.	85
Преданья	86
Въ лѣсъ по ягоды ходила, пѣсня	97
Мужикъ волкъ	98
Сострой батюшка теремокъ, пѣсня.	103
Сомнѣнья	104
Торги торговали, пѣсня	109
Вотяки	110
Вотяцкія пѣсни	110
У костра	120
Воскресныя школы	132
Фабричныя сестры	152
С. А. Рачинскій	158
Странники	172

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ“

произведений студентовъ

Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

1896-го года

подъ редакціей и съ предисловіями

Д. В. Григоровича †: „Великіе учителя“, А. Н. Майкова †
и Я. П. Полонскаго †: „О злобѣ дня“.

Съ 45 рисунками студентовъ Н. Добужинскаго, Н. Крылова, Н. Рериха, Н. Серебrenицкаго и Дим. Янчевецкаго.

Разказы: Е. Безпята: Весною, Жиганъ, Что освѣтило солнце.— В. Беренштама: Слушай! — Г. Бернера: У доски. — В. Голикова: Дѣтская любовь. — Державича: Захудалый. — В. Казанскаго: Отшельникъ и баранъ, Война обезьяны съ крабомъ. — В. Корытко: О томъ, что щебетала ласточка, и что накаркала ворона. — П. Лобачева: Левушка литераторъ. — Н. Лосскаго: Къ идеалу. — Е. Маркова: Одинъ изъ алчущихъ, Маленькій разказъ. — Н. Николина: На Волгѣ. — Б. Никонова: Открытіе, Котенокъ. — Л. Онопріенко: Хитрость дочери министра. — П. Ордина: Requiem. — Н. Польшова: Въ вагонъ. — А. Рудакова: Три духа. — В. Шишмарева: Родная баня, Хвала уединенію. — Г. Цыбикова: Добродѣтельный и порочный. — Д. Янчевецкаго: Отшельникъ.

Поэмы: Грѣхъ, В. Жуковскаго. Дочери Брамъ, Вл. Мазуркевича. Исповѣдь, Б. Никонова.

Стихотворенія: Вл. Жуковскаго, Б. Никонова, В. Мазуркевича, С. Степанова, В. Голикова, В. Войнова, Ос. Бальтерманца, гр. де Ла-Барта, В. Хрисонопуло, В. Чумикова, И. Жукова, А. Френкеля, А. Бекштрема, В. Казанскаго, А. Лютикова, Н. Сперанскаго, В. Янчевецкаго.

Переводы: съ китайскаго Дим. Янчевецкаго, А. Рудакова; финскаго В. Шишмарева; монгольскаго Г. Цыбикова; арабскаго Тухолки; эстонскаго В. Чумикова; сербскаго В. Томича; персидскаго В. Казанскаго, И. Авчинникова; латинскаго и греческаго В. Завадскаго-Краснопольскаго; англійскаго В. Казанскаго; санскритскаго Л. Онопріенко; турецкаго В. Казанскаго.

Въ пользу Общества вспомошествованія
студентамъ И. Спб. У.

Цѣна 3 руб.

Складъ „Литерат. студенч. Сборника“ въ книжномъ магазинѣ
П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.